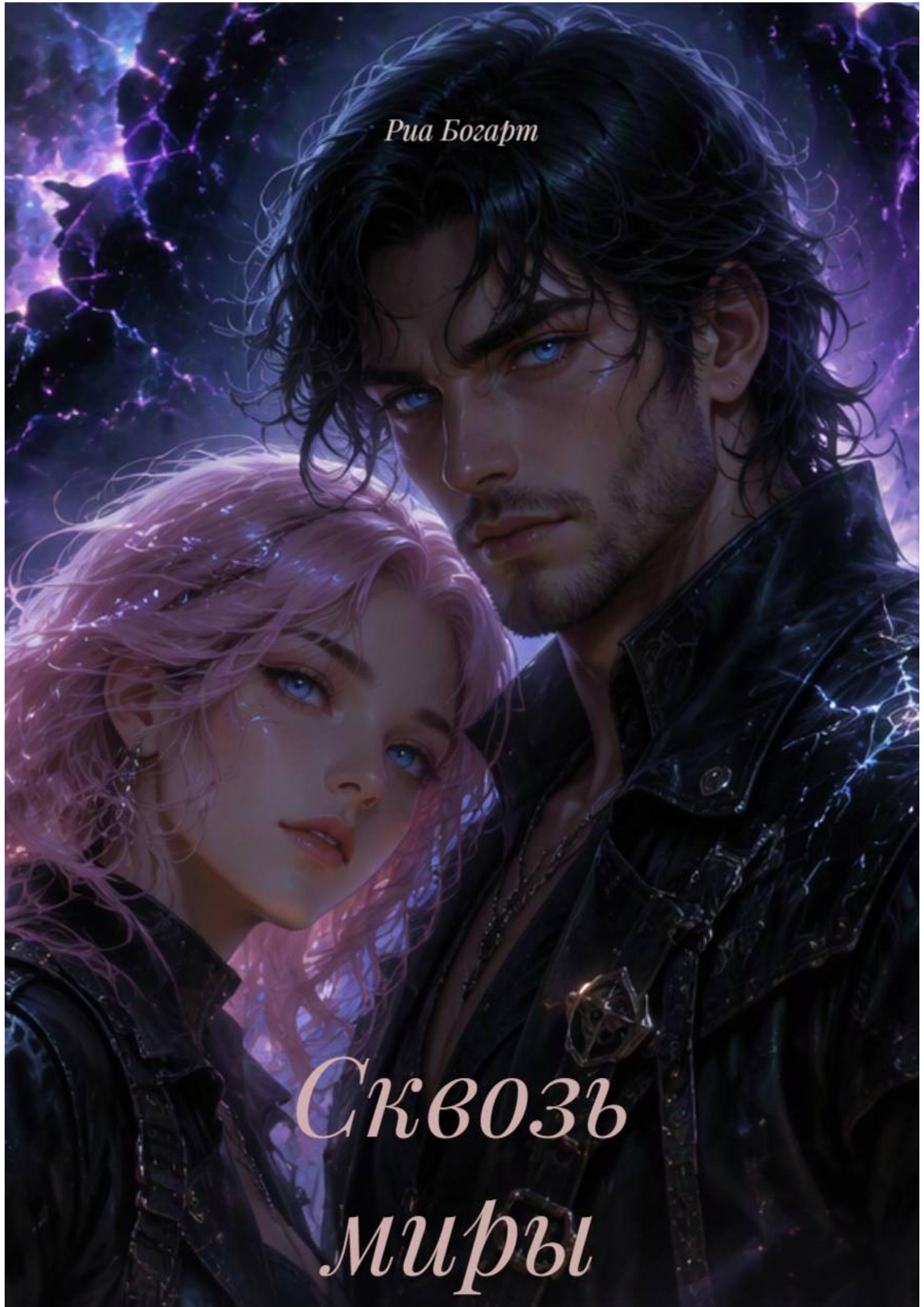

Риа Богарт

*Сквозь
миры*

Риа Богарт
Сквозь миры

«Автор»

2026

Богарт Р.

Сквозь миры / Р. Богарт — «Автор», 2026

Бэт и Дэвид — напарники и агенты специального бюро, регулирующего аномалии. Их работа — расследовать преступления «пришлых», опасных существ, проникающих на Землю сквозь пространственные трещины. Но новая миссия превращается в гонку на выживание. Безумный злодей с помощью загадочного устройства «Плетень» намерен уничтожить саму суть бытия. Чтобы остановить катастрофу, агентам придется столкнуться с коварством врага, разгадать собственные мрачные тайны и пройти испытание древнего Оракула. Их цель — загадочный Хранитель миров. Смогут ли они спасти вселенную, когда вокруг рушатся миры, а единственной опорой остаются верность и любовь?

© Богарт Р., 2026

© Автор, 2026

Риа Богарт

Сквозь миры

Молнии

у „Серой лисы“

Ночь больше не укрывала дом ласковым покровом — она притаилась в каждом углу, густая и тяжёлая, точно дикий зверь перед броском. По крыше неумолимо барабанил дождь. Его глухой, настойчивый ритм звучал как тревожный набат. От этого грохота по спине бежали мурашки. Каждый случайный звук заставлял замирать, ловя обрывки тишины между ударами капель.

Аннабэт Моус, которой едва исполнилось десять, вслушивалась в этот гул. Она не находила в нём ни тепла маминых сказок, ни привычного домашнего уюта. Сквозь ливень проскальзывали искаженные обрывки чужих голосов — точно кто-то шептал прямо над ухом, едва касаясь кожи ледяным дыханием. Любому другому ребенку захотелось бы съёжиться, зарыться в одеяло и притвориться, что ничего не происходит. Но только не Бэт — так её все называли. Она была не из тех, кто прячется от шорохов. Бэт всегда шла навстречу тьме, чтобы силой вырвать у неё секреты.

Тихо соскользнув с кровати, она направилась к лестнице. Каждое движение давалось с трудом. Старые половицы предательски скрипели под её весом, пытаясь удержать в комнате или предупредить об опасности, ожидающей внизу. Несмотря на страх, Бэт медленно спускалась в полумрак. Оказавшись у подножия лестницы, она вгляделась в густую тьму прихожей и заметила, что входная дверь приоткрыта. Сквозь узкую щель просачивался не просто прохладный ветер — казалось, в дом вползало само зло, плотное, липкое, осязаемое, подобно оседавшей на коже изморози.

Бэт осторожно заглянула в щель — и на миг весь мир вокруг неё замер.

На мокрой земле лежала её мать. Тело было неподвижно, лицо спокойно, но в этой пугающей позе не было ни капли умиротворения — лишь холодная, окончательная тишина, от которой стыла кровь.

Над ней склонился незнакомец. В неровном свете уличного фонаря его черты расплывались в причудливом, неестественном танце, но в них всё же угадывалось что-то человеческое.

А настоящий ужас внушала его кожа, по которой изгибались тонкие линии, пульсирующие тусклым голубоватым светом, как если бы внутри текли ледяные ручьи из чужого, далёкого мира. Мужчина застыл, словно ловил беззвучный сигнал, недоступный уху ребенка.

Загадочный незнакомец обернулся. Так неторопливо, что у Бэт перехватило дыхание, а собственное сердце в этой тишине застучало слишком громко. Мужчина поднял голову, и его взгляд скользнул по девочке. Сапфирово-синий, холодный и острый, как лезвие, едва касающееся кожи. Бэт не отступила, мёртвой хваткой вцепившись в дверной косяк и заставляя себя смотреть в ответ. И в этом столкновении глаз она успела различить в его взгляде что-то ещё, похожее на глубокую печаль — казалось, что он сам был не рад произошедшему.

Затем девочка зажмурилась, пытаясь спрятаться от этого взгляда в собственной темноте. А когда открыла глаза, на месте матери и незнакомца уже никого не было — лишь пустой, гулкий двор, в котором ещё звучало эхо чего-то непоправимого.

Проснувшись в холодном поту, Бэт резко села на постели. Провела дрожащими руками по лицу, словно хотела стереть не просто влагу, а горькое послевкусие кошмара. Это детское воспоминание, упрямое и беспощадное, преследовало её уже двадцать лет. Казалось, что кто-то невидимый раз за разом прокручивал перед ней одну и ту же мрачную сцену. Она въедалась в память, точно кислота, оставляя всё более глубокие шрамы. Иногда ей казалось стоит лишь пристальнее взглянуться в детали, и мозаика сложится. Но истина всякий раз ускользала, остав-

ляя лишь тягостное чувство недосказанности и горький привкус тайны, которую никак не удавалось разгадать.

— Тебе опять приснился этот сон? — тихо спросил Адам.

Он приподнялся на локте, и старый матрас под его весом отозвался тихим скрипом. В тусклом свете луны его лицо казалось усталым, но в глазах читалась молчаливая забота. Адам знал: для Бэт этот кошмар — не просто игра воображения, а единственная ниточка, способная привести к истине.

— Думаю, он будет сниться мне, пока я не найду ответы, — прошептала она уставившись в темноту перед собой, словно надеялась разглядеть в ней хоть какой-нибудь намёк.

Адам был её бывшим мужем. Они иногда проводили ночи вместе — не из-за возродившихся чувств, а скорее по привычке. По той тихой, почти незаметной связи, которая не рвётся даже после того, как любовь уходит.

За окном лил дождь, а ночь ещё владела городом, но Бэт бесшумно откинула край одеяла и поднялась с постели. Её босые ступни коснулись прохладного пола.

— Ты куда? — сонно пробормотал Адам, утыкаясь лицом в подушку и уже не открывая глаз.

— Поработаю над делом, — тихо ответила она.

— Всё равно уже не заснуть. Спи, Адам.

На часах тускло мерцали цифры — 03:30. В доме стояла давящая тишина, будто каждый предмет застыл, храня свои невысказанные тайны. Бэт прошла в кабинет, опустилась в кресло и достала из нижнего ящика стола толстую папку. Перед ней легли пожелтевшие заметки, криминалистические фотографии и вырезки из старых газет — лоскутки истины, которые требовалось сшить воедино. Бэт перечитывала это дело в миллионный раз, надеясь, что теперь слова сложатся иначе и откроют новый угол зрения.

Время растворилось в строчках и старых снимках. Когда за окном незаметно посветлело, её прервал настойчивый сигнал будильника. Со вздохом отложив бумаги, Бэт приняла горячий душ, чтобы смыть остатки ночной усталости. После затяжного ливня летний день выдался сырым и промозглым. Воздух за окном дышал зябкой влагой, совершенно не похожей на привычное июльское тепло. Натянув джинсы, плотную футболку и тёплую куртку, она обулась. Пора было отправляться на работу, где её ждали тайны посерьёзнее домашних призраков.

По дороге к офису Бэт привычно миновала Центральную площадь, посреди которой возвышался Монумент Памяти жертв Первого Разлома. Огромная стела из чёрного гранита, расколота надвое рваной полосой из матового стекла, напоминала о дне, когда больше двадцати лет назад в Нью-Йорке треснула сама реальность. Именно тогда на Землю стали проникать существа из других измерений, которых в народе быстро окрестили пришлыми. У подножия стелы, на гранитных плитах с именами погибших, горел вечный синий огонь — символ чужой, пугающей энергии.

Бэт служила в Международном бюро по регулированию аномалий — автономном ведомстве, которое создали как раз после тех событий. Её отдел в МБРА брался только за те дела, где тянулся след чужаков — за случаи, в которых привычная логика просто не работала, а реальность давала опасные трещины.

За прошедшие годы в человеческий мир перешло множество различных существ. Многие из них мало чем отличались от людей, но некоторые выглядели прямо-таки очень необычно, напоминая выходцев из самых жутких или прекрасных фантазий. После каждого прорыва МБРА действовало по строгой инструкции: новоприбывших сперва помещали на жёсткий карантин, проверяя на безопасность и скрытые угрозы, а затем постепенно интегрировали в общество. К сожалению для чужаков, вернуться обратно в свои родные миры после перехода, было невозможно. Разломы быстро закрывались, оставляя на теле Земли лишь едва

заметными шрамами, тонкими линиями, которые больше не функционировали. Чужое измерение захлопывало двери навсегда.

Тех, кто желал навредить людям, было немного. Большинство чужаков, смирившись с вечной разлукой со своим домом, отлично адаптировалось к жизни на Земле. Бэт видела это каждое утро, когда покупала кофе у пришлого парня в кофейном ларьке рядом со входом в метро. Или в булочной, которой владела женщина весьма любопытной внешности, невысокая с розоватой кожей и большими глазами. Чужаки жили и работали бок о бок с обычными гражданами, ходили по тем же улицам и стояли в тех же очередях.

К их странному облику уже давно привыкли. Для многих людей это был лишь лёгкий, едва уловимый отголосок иного измерения — как тень, скользящая по стене: заметная, если присмотреться, но легко стирающаяся из памяти, если не искать её специально.

Среди пришлых была и Китти — самая близкая подруга Бэт. С виду она казалась почти человеком: те же пропорции, тот же живой блеск в изумрудно-зелёных глазах. И всё же в её пластике сквозило что-то неуловимо кошачье — будто сама природа добавила к человеческому силуэту несколько тонких штрихов, чтобы напомнить: перед вами не совсем обычная девушка. Черты лица Китти были чуть заострёнными, словно очерченными тонкой кистью, а над лбом торчали аккуратные ушки — чуткие, способные уловить даже шёпот ветра.

Бэт и Китти дружили с самого детства. Малышку удочерила пара учёных, работавших вместе с дедушкой Бэт. Однажды, во время очередного выезда к свежему Разлому, они заметили потерянное маленькое создание, совсем кроху, дрожавшую от холода среди чужих тротуаров и пугающих звуков мегаполиса. Им стало искренне жаль малышку и они не смогли остаться равнодушными, и не упрятали девочку в лабораторию для изучения, а забрали к себе, подарив ей дом и любовь — и этим решением полностью переписали её судьбу.

Китти давно стала частью этого мира и важнейшей составляющей жизни Бэт. Их дружба держалась не на случайности, а на глубоком понимании: быть «не таким, как все» — это не приговор, а просто другая дорога. И идти по ней куда легче, когда рядом есть тот, кто не задаёт лишних вопросов, потому что и сам знает, каково это — быть на шаг в стороне от остальных.

Приехав на работу, Бэт спустилась на лифте в самое сердце МБРА. Офис бюро располагался в огромном, специально выстроенном подземном бункере. Этот автономный многоэтажный комплекс уходил глубоко под землю и скрывал в себе целые мили охраняемых секторов: здесь находились и строго изолированные тюрьмы для пришлых, нарушивших закон, и стерильные медицинские отсеки, и передовые исследовательские лаборатории. В общем, это было обширное, защищённое место, способное выдержать любую внешнюю или внутреннюю угрозу.

Едва выйдя из лифта на нужном ярусе, Бэт заметила начальника — тот поджидал её у дверей, словно заранее знал, что она появится именно сейчас. Рядом с ним стоял высокий темноволосый мужчина. Его глаза поражали неестественной, пронзительной синевой, а в осанке чувствовалась жёсткая, военная собранность: так держатся люди, готовые к тому, что привычный мир может рухнуть в любую секунду.

— Аннабэт, знакомься, — шеф кивнул в сторону незнакомца, когда она подошла ближе. — Это твой новый напарник, Дэвид Стрэнт. Введи его в курс текущих дел.

Бэт повернулась к нему, собираясь протянуть руку, но слова застряли в горле. Весь мир вокруг неё мгновенно затих. Взгляд этих глаз — неестественный, пронзительно-синий — заставил её буквально замереть на месте. Это был тот самый цвет из её многолетнего сна, но сейчас, наяву, он не пугал. Он завораживал. Бэт почувствовала, как безвозвратно погружается в эту синеву, точно в огромный, загадочный и бездонный океан, который таил в себе ответы на все её вопросы. Прошло несколько секунд, прежде чем она заставила себя вернуться в реальность и натянула вежливую улыбку:

— Здравствуй, Дэвид. Добро пожаловать в команду.

Дэвид ответил крепким рукопожатием. Его взгляд оставался прямым и спокойным, словно он не заметил её мимолётного замешательства.

— Здравствуйте, Аннабэт.

— Просто Бэт, — мягко поправила она. — Полным именем меня почти никто не зовёт.

— Хорошо, Бэт. Меня уже слегка просветили насчёт специфики вашей работы, так что готов приступить немедленно.

Они прошли в кабинет их отдела. Помещение было довольно большим: одну его часть занимали рабочие столы и продвинутое аналитическое оборудование, другую — заставленная мониторами зона Джозефа и Кевина, а в глубине уютно расположилась зона отдыха с мягким диваном и кофемашиной.

Бэт представила новичку новых коллег:

— Это Кевин, полевой медик и наш эксперт по анатомии «пришлых». Впрочем, он у нас мастер на все руки, — она кивнула на угловой стол, заваленный биодатчиками, полуразобранными приборами и какими-то футуристическими деталями.

— А ещё Кевин в свободное от вскрытий время занимается изобретательством. Они с Джозефом постоянно собирают новые гаджеты и модифицируют наше снаряжение, чтобы мы на выездах могли хоть как-то противостоять аномалиям чужого мира. Ну и свято верит, что он главный шутник отдела. Правда, смеётся над его шутками только он сам.

Из-за ближайшего монитора вынырнул молодой азиат. Оценив новичка быстрым взглядом, он задорно подмигнул:

— Привет, Дэвид. Добро пожаловать в наш дурдом. Надеюсь, ты продержишься дольше, чем прошлые напарники Бэт. Они-то сбегали ещё до обеда.

Дэвид не стал игнорировать вызов. Он подошёл к столу медика и протянул руку для приветствия.

— Боюсь, вам придётся привыкать к моей компании, — спокойно ответил он, прямо встретив взгляд парня.

Кевин на секунду завис, явно не ожидая такой холодной уверенности, а затем коротко рассмеялся, принимая подачу.

Юмор здесь был обязательным ритуалом — своеобразный тест на стрессоустойчивость и циничная защита от медленного помешательства, которое шаг за шагом подтачивало каждого. Бэт лишь устало качнула головой, мысленно ставя новичку первый плюс за выдержку. Она-то прекрасно понимала, что настоящие испытания начнутся не здесь, под завывание кондиционера, а там — на выезде.

Напротив Кевина, у огромной настенной карты, испещрённой неоновыми метками, сидел Джозеф — старший аналитик. Пожилой темнокожий мужчина изучал их взглядом, в этом взгляде читалась многолетняя усталость и редкая, почти хищная пронизательность. А каждая отметка за его спиной означала Разлом. За двадцать лет на всей планете их образовалось ровно сорок — сорок кровотокающих трещин в земном бытии, за которыми непрерывно следили спецслужбы разных стран.

Их автономное ведомство МБРА было создано как раз в рамках этого совместного международного сотрудничества. Все региональные представительства работали в тесной связке: аналитики круглосуточно обменивались зашифрованными данными, а оперативные группы обладали особым статусом и были готовы по первому сигналу вылететь в любую точку земного шара, минуя стандартную бюрократию обычных спецслужб. Сама по себе цифра сорок могла показаться небольшой, но в Бюро знали её истинную цену. Разломы пульсировали по чуждым законам: иногда сквозь пространственную трещину за месяц едва просачивался один одинокий чужак, а иногда барьер истончался, и в человеческий мир одновременно хлынули сотни существ. Чтобы противостоять этой угрозе, Джозеф в свободное от аналитики время объеди-

нял усилия с Кевином — в глубине кабинета они обустроили мини-лабораторию, где вместе изобретали новые гаджеты и модифицировали снаряжение оперативников.

Дэвид подошёл ближе. Джозеф тепло, но крепко пожал ему руку и произнёс:

— Добро пожаловать, сынок. — Он чуть прищурился, переводя взгляд с новичка на Бэт, и добавил с лёгкой усмешкой: — Только учти, эта девчонка тебя загоняет. Готовься.

Дэвид сдержанно усмехнулся и с легким интересом покосился на напарницу. Со стороны она меньше всего походила на грозу монстров. Невысокая, хрупкая, голубоглазая девушка с длинными светлыми волосами — Бэт казалась скорее юным стажёром, чем ветераном схваток с порождениями Разломов, своими размерами превосходившими её вдвое. Охота на тварей, чей облик извращал саму реальность, была занятием для одержимых. Бэт отдавалась ей с фанатичной страстью. Не удивительно, что Дэвид оказался уже пятым её напарником за последние несколько месяцев. Её привычный рабочий мир рухнул со смертью Энтони — человека, с которым она делила свою одержимость долгие пять лет, с самого первого дня в Бюро. После той трагедии она словно сорвалась с тормозов, и её новый темп стал для новичков непосильным. Бэт упрямо шла напролом, хотя прекрасно знала: в их ремесле надёжный напарник — это не просто страховка от смерти, но и крепкое плечо, способное удержать от безумия, когда вокруг царит хаос.

Едва все успели поприветствовать Дэвида, как в кабинет скользнула Эмили — молодая, эффектная секретарша шефа. Она двигалась с нарочитой, кокетливой томностью, точно зная, что все взгляды тут же прикуются к ней. Серьёзность момента выдавала лишь папка, крепко зажатая в её ухоженных руках — предвестник очередного расследования, тяжёлый груз, спрятанный под тонкой пластиковой обложкой.

Эмили опустила документы на стол чуть громче, чем требовалось. Не отрывая взгляда от симпатичного новичка, она слегка склонила голову набок — словно оценивала, выдержит ли он здешний водоворот событий, и одновременно давала понять, что Дэвид ей приглянулся. Затем она так же плавно вышла, покачивая бёдрами.

На долю секунды в воздухе повис тонкий, сладковатый шлейф её духов. Он на мгновение перебил привычные для их кабинета запахи - архивной бумаги, крепкого кофе и медицинского антисептика, будто чужеродная нота в давно знакомой мелодии.

В комнате воцарилась тишина. Папка лежала на столе — тёмная, неприметная, но скрывающая внутри очередную бурю. Дэвид невольно покосился на неё, будто ожидал, что она сама откроется и выпустит наружу свои тайны.

Бэт шагнула вперёд и взяла документы.

— Что там? — коротко спросила она, обращаясь скорее к глухой пластиковой обложке, чем к кому-либо из присутствующих.

В её голосе не было нетерпения — только холодная готовность принять новую задачу. Тонкие пальцы девушки скользнули по шершавой поверхности и едва открыв дело, Бэт застыла. Казалось, что ледяной вихрь ворвался в помещение, сковав каждую мышцу и каждый нерв. На первом же листе нового дела лежало фото её лучшей подруги.

Сердце пропустило удар, а затем забилось тяжело и глухо, отдаваясь в ушах неровным, пугающим стуком.

На снимке, сделанном криминалистами, была Китти. Взгляд Бэт лихорадочно цеплялся за каждую деталь. Она отчаянно надеялась найти подвох, нелепую ошибку, увидеть чужое лицо под знакомой маской. Но нет. В этих чуть заострённых чертах безошибочно узнавалась её подруга — та самая, что смеялась до слёз, когда было весело. Или прятала дрожащие руки, когда ей было страшно, и всё равно шагала вперёд, потому что нельзя оставлять Бэт одну.

Земля ушла у Бэт из-под ног. Она пошатнулась, теряя равновесие, но Дэвид успел среагировать и крепко перехватил её за локоть. Его хватка была твёрдой, без лишней суеты — будто он изначально стоял здесь лишь для того, чтобы удержать её.

Бэт мельком взглянула на напарника и с трудом взяв себя в руки принялась читать сухие строки оперативного рапорта. Местная полиция оцепила район, проведя первичный осмотр места преступления, и подготовив дело, передала его в МБРА. Записи в деле гласили, что убитую нашли за клубом «Серая лиса», где Китти работала официанткой. А описание места преступления заставило бы содрогнуться даже бывалых сыщиков. Тело Китти обнаружили в глухом переулке прямо за ночным клубом. Весь тупик превратился в бойню: кирпичные стены были до самого верха забрызганы багровым, а под обмякшим трупом асфальт покрывала плотная, жуткая корка запёкшейся крови.

От увиденного ни у кого не могло возникнуть и мысли о человеческой жестокости — здесь не было места расчётливому маньяку. Вокруг валялись обрывки платья, разорванного в клочья и перемешанного с грязью и фрагментами плоти. На бледной коже девушки остались глубокие рваные борозды от когтей, а в ранах виднелись отчётливые отметины от зубов. Печень и сердце жертвы отсутствовали — их выгрызли прямо из тела. Будто дикий зверь, ведомый первобытным голодом и слепой яростью, терзал плоть, вырывая самое живое, самое тёплое, самое уязвимое. Эксперты предположили, что скорее всего нападавшим является опасный пришлый.

Пока Бэт вчитывалась в строки, перед её глазами то и дело вспыхивали обрывки воспоминаний: Китти смеётся, её чуткие ушки чуть подрагивают от радости; Китти шепчет: «Мы справимся. Мы всегда справляемся», хотя в её голосе слышится дрожь; Китти стоит рядом, маленькая и хрупкая, но не отступает ни на шаг.

В груди девушки разрасталась пустота — холодная и острая, как осколок льда, который невозможно вынуть, не изрезав себя ещё сильнее. Но рядом с этой болью крепло и другое чувство — яростное, стальное, не знающее компромиссов. Это была не просто решимость оперативника, привыкшего к жестокости Разломов. Это была клятва, рождённая из долгих лет дружбы: она найдёт того, кто сотворил это. Даже если правда окажется страшнее любого кошмара. Даже если для этого придётся заглянуть в самые тёмные углы реальности и переступить через собственные страхи.

Спустя минуту Бэт подняла голову и захлопнула папку. Голос её прозвучал тихо, но в нём звенела такая сталь, что в кабинете мгновенно стихли все звуки: скрип кресла Кевина, чьё-то осторожное дыхание, глухой гул аппаратуры. . . Мир вокруг на секунду замер.

— Это не рядовое расследование, — проговорила она, и каждое слово падало, как тяжёлый камень в неподвижную воду. — Это личное. И никто из нас не покинет бункер, пока мы не узнаем правду.

Бэт вывела на большой экран карточку жертвы и первые снимки криминалистов. Кевин, до этого рассеянno крутивший в руках биодатчик, резко подался вперёд. Его задорная улыбка мгновенно исчезла, а лицо побледнело, когда взгляд медика скользнул по экрану.

— Боже... Бэт, это же Китти? — его голос сорвался, потеряв всю прежнюю лёгкость. — Она же... она же только на прошлой неделе радовалась, что устроилась в «Серую лису». Говорила, там чаевые хорошие...

Из глубокого кресла в дальнем конце кабинета тяжело поднялся Джозеф. Старший аналитик молча подошёл к экрану, вглядываясь в страшные снимки из переуллка. Его кулаки сжались, а челюсти судорожно сомкнулись.

— Какой ужас, — глухо, сквозь зубы процедил Джозеф, и в его обычно спокойном голосе прорезалась глухая ярость.

А затем он посмотрел на Бэт, аккуратно приобнял её за плечи и тихо произнёс слова утешения:

— Держись, девочка. Я тебе очень сочувствую. Мы перевернём все, но найдём эту тварь.

Бэт поблагодарила коллег за поддержку, а затем коротко ввела группу в курс дела. В её тоне не было ни истерики, ни надрыва — только ледяная решимость, выточенная горем. Та

самая, что приходит, когда рушится привычная опора, а остаётся лишь долг — и память о том, кого нельзя предать молчанием. После этого она повернулась к Дэвидом и почти скомандовала:

— Начнём с места преступления, едем к «Серой лисе». — Бэт застегнула куртку, возвращая себе самообладание, и едва слышно добавила: — Там должна быть зацепка.

Они вышли к машине и спустя двадцать минут Бэт припарковалась на задворках «Серой лисы». Уже на подходе к тупику за клубом в нос ударил тяжёлый, липкий воздух. Запах ночного ливня смешался с отчётливым металлическим привкусом запёкшейся крови, который оседал на языке и въедался в одежду. Место преступления, наспех огороженное жёлтой лентой, казалось вырванным из жизни — мегаполис словно безмолвно цепенел под серым, хмурым небом. Даже сквозь полумрак было видно, что кирпичные стены до самого верха покрыты тёмными, уродливыми потёками. Дождь смыл часть улики, но асфальт под ногами всё ещё отливал багровым гляncем. В лужах плавали грязные лоскуты ткани — всё, что осталось от платья Китти после того, как разъярённая тварь добралась до её плоти.

Дэвид держался чуть позади, сканируя пространство: крыши соседних домов, пожарные лестницы, тёмные ниши. Его взгляд скользнул по теням так, будто он искал то, что может прыгнуть сверху, подкрасться сзади или появиться там, где его совсем не ждут. Бэт тем временем, не теряя ни секунды, сантиметр за сантиметром осматривала мокрый асфальт, не пропуская ни трещины, ни крошки, ни едва заметного отпечатка. Её движения были точными, почти механическими, казалось что горе закалило её зрение, заставив замечать скрытые от остальных детали.

Неподалёку от места, где нашли тело, под ржавой решёткой ливневой канализации что-то блеснуло — тонкий, упрямый отсвет, который словно цеплялся за скудные лучи, не желая растворяться в полумраке. Дежурные эксперты, собиравшие пробы, мельком скользнули по этому углу взглядами и прошли мимо. Посчитали обычным человеческим мусором, ещё одной безмолвной жертвой города. Но Бэт верила интуиции: в её мире случайностей не существовало, а каждая мелочь могла стать ключом.

Она опустилась на колени и подняла находку. Плотная бумага холодила пальцы, казалось, что она впитала в себя ночной холод и страх того, кто её уронил. На поверхности виднелся хитрый, почти гипнотический орнамент, напоминающий переплетение серебряных молний — словно кто-то пытался поймать в узор саму суть электричества, его неукротимую энергию. В центре карточки красовалось одно-единственное слово, вытисненное фольгой:

«Иллюзия».

Оно мерцало в неровных бликах, неся в себе скрытое послание, дразнило, манило заглянуть глубже. Бэт смотрела на него, и мороз неторопливо полз по её спине, стягивая лопатки в тугий узел. Предчувствие твердило: это слово как-то связано со смертью подруги. Оставалось лишь понять — как именно, распутать этот клубок так, чтобы ни одна нить не выскользнула сквозь пальцы. Бэт аккуратно спрятала карточку, решив пока заняться другими уликами.

После осмотра места преступления и опроса сотрудников Бэт и Дэвид засели за просмотр записей с камер видеонаблюдения. Около часа они всматривались в тусклые кадры, где ночная реальность казалась искажённой, словно снятой через мутное стекло. Самого момента нападения на плёнке не оказалось — было ощущение, что ночь специально вычеркнула этот миг, спрятав его в слепой зоне реальности, в той самой щели между секундами, где скрывается всё самое страшное.

Но вдруг Дэвид замер. Он прищурился и ткнул пальцем в мерцающий экран:

— Смотри. Вот он. Опять.

Бэт впиалась пальцами в край стола. На всех записях Китти преследовал один и тот же субъект. Он скользил по границе света и тени, словно оживший кошмар, неотступный и незаметный для окружающих. Его взгляд, пустой и одновременно одержимый, буквально парализовал через расстояние, намертво фиксируясь на жертве.

Мужчины всегда слетались на дикую грацию Китти, как на огонь. Но это существо вела не похоть. В его фигуре сквозила болезненная, хищная сосредоточенность, а мёртвая улыбка казалась восковым слепком. Бэт чувствовала, как внутри всё цепенеет от отвращения: за этой фальшивой человеческой маской скрывалась бездонная тьма. Словно под кожу бродяги забрался рой слепых червей, пытающихся симитировать радость, но не способных скрыть свою истинную, жуткую природу.

Бэт щёлкнула мышкой и распечатала стоп-кадр. Снимок вышел размытым, но общие контуры оставались узнаваемыми. Она снова обошла персонал «Серой лисы», показывая распечатку. Бармены и официанты хмурились, качали головами — никто не помнил этого человека. Он оставался призраком, растворившимся в толпе так же незаметно, как и появился. Словно его и не было вовсе, а застывшие черты на бумаге — лишь обман зрения или каприз освещения.

После этого Бэт решила поехать в морг, чтобы забрать результаты вскрытия и в последний раз увидеть подругу. Дэвид хотел пойти с ней, уже взявшись за ручку автомобильной двери, но она качнула головой:

— Мне нужно побыть с ней наедине. Хоть минуту.

Дэвид чуть помедлил, глядя на неё. В его глазах читалось желание возразить, удержать напарницу от этого тяжёлого шага, но затем он понимающе кивнул и убрал руку:

— Я буду ждать у входа. Если понадобится — я рядом.

Морг встретил её стерильным холодом и тихим, почти незаметным гулом вентиляции. Само здание, подчиняясь скорбному уставу, старалось не шуметь, чтобы не потревожить тех, кто уже не мог ответить. За стойкой сидел дежурный патологоанатом — немолодой мужчина с усталыми, но внимательными глазами и аккуратной седеющей бородкой. На его бейдже значилось имя: «Генри». Он посмотрел на пришедшую спокойно, без лишней суеты и без фальшивого сочувствия, которое в такие минуты только ранит сильнее.

— Вы по поводу Китти Райс? — спросил он, чуть наклонив голову, словно заранее хотел смягчить удар.

Бэт кивнула, незаметно сжимая кулаки в карманах куртки. Пальцы сводило от напряжения, само тело отчаянно пыталось удержать рвущиеся наружу эмоции.

— Да. Мне нужны результаты вскрытия. И... я хочу её увидеть.

Мужчина помолчал секунду, проникаясь её состоянием и не спеша лезть с пустыми словами.

— Понимаю. Держитесь, агент.

Он провёл Бэт в небольшое изолированное помещение. На стальной каталке лежало накрытое белой простынёй тело. Бэт на мгновение закрыла глаза, справляясь с подступившим к горлу комком, который грозил лишить её голоса, твёрдости и самого права быть здесь, чтобы довести дело до конца. А потом сама решительно откинула край ткани.

Безжизненные черты Китти были на удивление спокойны — будто смерть наконец сняла с неё вечную настороженность чужака. Ту лёгкую дрожь, которая всегда пряталась в уголках губ, когда она изо всех сил старалась казаться храбрее, чем была. Бэт бережно провела ладонью по её холодным волосам — и на миг время остановилось, сжавшись в одну невыносимую секунду. Тихо, одними губами, она пообещала:

— Я найду того, кто это сделал. Клянусь.

Вернувшись в коридор, она заставила себя переключиться в рабочий режим, стряхнуть с плеч тяжесть горя и надеть привычную броню хладнокровия. Взгляд стал острым, собранным. Она посмотрела на патологоанатома:

— Расскажите всё. Даже то, что кажется вам странным.

Генри открыл папку и заговорил ровным, профессиональным тоном, стараясь держать эмоции за пределами слов, чтобы не мешать делу:

— Следы когтей на теле есть, но они поверхностные, видимо, жертву просто удерживали на месте, не давая вырваться. Сердце и печень отсутствуют. Характер ран чётко говорит о том, что это работа какого-то крупного хищного животного... или очень опасного, первобытного пришлого. Внутренности буквально выдраны — не вырезаны хирургическим путём, не извлечены скальпелем, а именно вырваны с чудовищной силой. Будто кто-то стремился забрать их тёплыми, словно в этих органах заключалась какая-то особая ценность.

Бэт слушала его, не моргая. Когда доктор закончил, она тихо ответила:

— Спасибо. Вы очень помогли, — чисто из вежливости сказала она, и её голос прозвучал сухо.

— Передайте материалы мне.

Выйдя на улицу, Бэт сразу увидела Дэвида. Он стоял у дверей, прислонившись спиной к кирпичной стене, создавалось ощущение, что он нарочно выбрал место, где можно оставаться поблизости, но не вторгаться в чужую скорбь. Заметив напарницу, мужчина выпрямился.

— Ну что? — негромко спросил он.

Бэт тяжело выдохнула, плотнее кутаясь в куртку — для середины лета день выдался необычайно холодным. Сырой ветер пробирался под ткань, цеплялся за волосы и тщетно пытался остудить бурлящий внутри жар.

— Лишь подтвердил первичные выводы. Обычный агрессивный пришлый. Так что едем в штаб.

Они вернулись в Отдел и снова погрузились в материалы. Бэт ещё несколько раз перечитала строчки отчёта, и с каждой минутой в груди нарастало странное чувство, что она уже видела эти страшные детали раньше. Будто они глухим эхом отзывались в глубине её памяти, как обрывки ночного кошмара, который никак не удаётся вспомнить целиком. Буквы сливались на бумаге, потом снова распадались на отдельные фразы. Всякий раз казалось, что где-то между строк прячется намёк, ускользающий, как тень в углу комнаты. Не выдержав этого мысленного тупика, Бэт резко поднялась из-за стола и направилась в архив.

Среди бесконечных стеллажей и выцветших папок, пахнущих пылью и чужими тайнами, Бэт лихорадочно искала зацепку. Наконец в её руки попало старое досье пятнадцатилетней давности, переданное когда-то по каналам международной сети МБРА. Пожелтевшие страницы французского филиала Бюро шелестели под пальцами — ей чудилось, они шепчут о давнем, так и не утихшем кошмаре, пускай эта история и не имела никакого отношения к её собственной детской трагедии.

Из отчётов следовало, что тогда тихий французский городок потрясла серия из трёх жестоких расправ. Все жертвы были растерзаны точно так же, как Китти, с интервалом всего в три-четыре дня. Тогда страшное существо назвали «Данклор» — из-за его противоестественного, ломающего законы анатомии круглого рта, усеянного рядами бритвенно-острых зубов. Подобные твари начали проникать на Землю далеко не сразу: за последние двадцать лет Разломы открывались постепенно, один за другим, пока их общее число во всём мире не достигло сорока. И с каждым новым угасающим коридором человечество сталкивалось со всё более изощрёнными формами чужой жизни.

Пятнадцать лет назад эту особь с трудом удалось поймать и изучить. Оказалось, что в межсезонье они — идеальные мимики. Их внутренняя структура настолько близка к человеческой, что даже передовые медицинские сканеры не видят разницы. Монстр годами растворяется в толпе, прикидываясь дружелюбным соседом или коллегой, и никто вокруг не подозревает, какая чуждая, хищная логика управляет этим телом.

Но раз в полтора десятилетия в организме существа запускается жуткий биологический таймер. Плоть Данклора стремительно разлагается изнутри. Цена выживания оказывается жестокой — три сердца и три печени. Подойдут как обычные люди, так и антропоморфные пришлые. Только эта плата может затормозить заживо пожирающее его гниение. И его

кровавый жатвенный цикл должен завершиться в строго отведённый срок, иначе особь ждёт неминуемая, мучительная смерть.

В момент охоты маска человечности спадает с них пугающе быстро. Глаза наливаются ядовито-зелёным неоном, словно внутри запускается необратимая химическая реакция, а рот растягивается, превращаясь в жуткий круг, усаженный рядами острых зубов. Ногти мгновенно вытягиваются в металлические лезвия, способные с лёгкостью пробивать листовую сталь. Именно из-за молниеносной трансформации и безупречной маскировки вычислить чудовище до первого удара практически невозможно.

Вернувшись из архива с найденными документами, Бэт разложила их на столе и подробно рассказала Дэвиду обо всём, что ей удалось узнать. Теперь они оба отчётливо понимали: хищника нужно остановить до того, как он нанесёт следующий удар. Но как выйти на его след? Китти погибла два дня назад, а значит, до новой расправы оставалось не так уж много времени, стоящих же зацепок по-прежнему не было.

С упорством, граничившим с одержимостью, напарники продолжали искать хоть какую-то ниточку, пока монстр не успел завершить свой кровавый цикл и бесследно не растворился в городском потоке на следующие пятнадцать лет. Тварь станет невидимкой среди тысяч обычных прохожих — затеряется так глубоко, что её не удастся отыскать ни по остывшим следам, ни даже по самой цепкой памяти. За стенами бункера всё так же упрямо шумел сырой и промозглый летний день, напоминая, что время безжалостно уходит.

Бэт перевела взгляд на визитку, найденную возле «Серой лисы». Она взяла её со стола и принялась задумчиво вертеть в руках, словно пыталась прочесть скрытый смысл в серебряном узоре молний, который мерцал даже в тусклом свете настольной лампы. Линии сплетались в странный ритм, будто хранили чужую, незнакомую мелодию. Вбив название заведения в закрытый адресный реестр Бюро, Бэт поднялась со своего места.

— Всё-таки нам нужно туда съездить, — проговорила она наконец, поднимая глаза на Дэвида. В её голосе прозвучала не просьба, а твёрдое решение, с которым спорить было бесполезно. И они отправились в «Иллюзию» — заведение, где чужие желания обретали плоть, а самый сокровенный порыв мог на мгновение стать реальностью. Здесь не было привычного для таких мест мрака. По стенам скользили мягкие переливы света, похожие на отголоски чужих грёз, а в воздухе висел тихий гул предвкушения. Всё дышало соблазном. Казалось, стоит только сильнее захотеть — и окружающее пространство послушно прогнётся под любой каприз. Сама атмосфера клуба размывала границы между дозволенным и запретным, между глубоким сном и явью, заставляя напарников сомневаться даже в том, что они видят собственными глазами.

«Иллюзией» управлял пришлый по имени Краис — невысокий, темноволосый, с карими глазами, в которых читалась древняя усталость и одновременно острый, цепкий ум. От обычных людей его отличала только анатомия: очень светлая, почти прозрачная кожа, сквозь которую проступали тонкие голубоватые вены, похожие на карту невидимых дорог, по которым течёт чужая, иная жизнь. А одежда на нём удивительным образом сливалась с тоном кожи. Она казалась практически невесомой — словно ткань не прикрывала фигуру, а была продолжением его самого, послушно повторяя каждый жест. Взгляд Краиса не выражал ни тревоги, ни враждебности. В нём сквозила лишь привычная, ласковая настороженность человека, который каждый день балансирует на грани.

Бэт и Дэвид бесшумно продвигались по залу, впитывая каждую деталь. За пять лет службы в МБРА Бэт успела повидать множество аномалий, но это место всё равно заставляло её внутренне подобраться.

Вместе с Краисом в заведении работали пять девушек, прибывших из того же измерения. Все они отличались поразительным и пугающим сходством: неестественно белокожие, с длинными волосами цвета первого снега. Эти тяжёлые пряди непрерывно колыхались вокруг

их лиц, подчиняясь призрачному сквозняку — потоку воздуха, который оставался невидимым для глаз, но физически ощущался каждым в помещении.

На их лицах застыла безупречная симметрия. Пухлые губы девушек, лишённые естественного тепла, манили алой сочностью зрелых ягод, обещая неземное блаженство. Но главным источником этого наваждения был их взгляд — томный, затягивающий, укрытый густой бахромой бесконечно длинных ресниц. Из этой бархатной тени мерцала ледяная радужка цвета жидкого серебра. В её зеркальном блеске с неподвижными чёрными зрачками не было привычных человеческих эмоций, но глубина её гипнотизировала, заставляя волю бесследно растворяться.

Одежды, которые они носили, были такими же диковинными, как и у Краиса. А их неземная красота завораживала. Девушки казались ожившими древнегреческими сиренами, способными заманить любого путника своей беззвучной, но чарующей песней.

Но истинная их особенность заключалась в умении погружать в глубокий гипноз. Стоило одной из них коснуться чьей-то головы, как её тонкие пальцы начинали неестественно вытягиваться, словно проникая сквозь череп прямо в сознание. В этот момент вокруг ладони возникало слабое свечение, холодное и призрачное, и человек мгновенно впадал в беспамятство.

В таком состоянии разум гостя создавал ментальные картины, совершенно неотличимые от яви. Физических ограничений больше не существовало: здесь можно было моделировать любые сценарии и проживать любые роли. И чаще всего посетители приходили в клуб, чтобы пережить заветные фантазии, которые не могли воплотить наяву.

Дэвид и Бэт коротко изложили причину визита. Краис медлил. Он словно взвешивал, насколько эти расспросы пошатнут хрупкий покой его салона и нарушат грань между законом и запретными ментальными практиками. Наконец он едва заметно кивнул и поздравил дев.

Сирены послушно, одна за другой, включились в разговор. Как проводники, они лишь помогали гостям погрузиться в транс и разделяли с ними видения, созерцая изнутри чужие помыслы. Их голоса звучали ровно, почти безразлично: нет, в чужих фантазиях не было ничего откровенно жестокого или садистского.

Но обострившееся за годы охоты чутьё Бэт сразу уловило фальшь. Безупречная интуиция заставила её задержать взгляд на одной из беловолосых девушек — та едва сдерживала дрожь и упорно смотрела в сторону. В этом мимолетном движении таилось больше, чем в любых словах. Она явно что-то знала — и отчаянно боялась произнести это вслух. Казалось, сама мысль о признании способна материализовать её кошмар прямо здесь, посреди залитого неоном зала, дав ему плоть, тень и осязаемый вес.

Бэт достала из сумки распечатанный стоп-кадр и протянула свидетельнице. Та лишь мельком взглянула на размытый снимок — и из её глаз хлынули слёзы. Хрупкое тело забилося в крупной, пугающей дрожи, точно от волны ледяного ужаса.

Сквозь рыдания девушка всё же смогла заговорить. Она призналась, что один из посетителей, которого она вела в транс, в своих фантазиях пожирал человеческие органы.

Бэт и Дэвид переглянулись. Почерк твари не оставлял сомнений.

К счастью, свои фантазии этот посетитель оплачивал картой. Считав данные цифровой транзакции прямо с терминала, напарники покинули клуб и уже в машине Бэт сделала звонок Джозефу:

— Джо, у нас есть номер счёта. Пробей.

Аналитику потребовалось всего несколько минут, чтобы по цифровому коду вычислить подозреваемого. Спустя мгновение динамик ожил:

— Есть совпадение. В человеческом мире Данклор скрывается под именем Алекс Блум. Сейчас вышлю его домашний адрес.

Блум работал обычным школьным учителем — добродушным, улыбчивым, из тех, кого обожают дети, а родители считают безупречным. Любящая жена, уютный дом и образцовое семейное спокойствие — идеальный фасад, за которым пряталось чудовище.

Получив адрес, Бэт и Дэвид немедленно отправились туда. Дверь открыла супруга Блума. В её глазах застыла тревога, смешанная с усталостью. Было очевидно: она уже давно балансировала на грани паники. Женщина с порога решила, что агенты пришли сообщить о несчастном случае, потому что Алекс уже несколько дней не появлялся дома.

Когда ей показали снимок, она побледнела:

— Что... что он натворил? — в её голосе прозвучал неподдельный страх, резкий и горький, как ледяной воздух.

— Ваш муж под подозрением в совершении тяжких преступлений, — мягко, но твёрдо ответила Бэт, блокируя экран планшета. — Мы делаем всё, чтобы найти его. Если Алекс выйдет на связь, немедленно сообщите нам. Это ради вашей безопасности.

Бэт взглянула на Дэвида, давая знак, что здесь они закончили.

— Спасибо за содействие. Всего доброго.

Они стремительно спустились по крыльцу, оставив женщину одну на один с закрывающейся дверью. Машина сорвалась с места. Напарники мчались обратно в управление. Едва они переступили порог отдела, аналитики передали им свежие сводки: на окраине города обнаружили ещё одну жертву, погибшую до Китти. Из-за того что убийца надёжно спрятал тело, его нашли только сейчас. И эта находка меняла всё. Китти была второй. Это означало, что у Бэт и Дэвида почти не осталось времени: нужно поймать Данклора до того, как он совершит третье убийство и закроет свой кровавый цикл, чтобы бесследно раствориться в городском потоке на следующие пятнадцать лет.

Ситуация становилась критической. Если Блум уже понял, что его земное имя рассекречено, он наверняка готовился к побегу и полному стиранию прежней жизни. Никто в управлении не мог предсказать, кем он станет после завершения «жатвы». Не преобразится ли он в кого-то совершенно иного — неузнаваемого, занимающего высокую должность или скрывающегося на самом дне мегаполиса? Данклор мог просто сбросить старую человеческую кожу, точно змея, чтобы обратиться во что-то новое, куда более неуловимое и смертоносное. Вопросов на стыке двух миров накопилось слишком много, а аналитическая база по-прежнему выдавала лишь пустые графы.

За окнами управления город словно замер под тяжелым свинцовым небом. На поиски Данклора бросили все доступные силы: спецподразделения в тяжелой броне, мобильные патрули, казалось, что весь бункер теперь работал исключительно над этим делом. Оперативники секунда за секундой прокручивали терабайты записей с дорожных камер, фиксирующих каждый, улицы прочёсывали с особой, придирчивой тщательностью. Для жителей ввели временный комендантский час — редкую, почти забытую меру безопасности, от которой по ночным кварталам теперь разносился лишь гул патрульных дронов.

Бэт не смыкала глаз уже много часов подряд. Они нещадно зудели, спина затекла от долгого сидения перед экраном, а в голове гудело от бесконечного потока информации, сливающейся в один монотонный шум. Но мысль об отдыхе даже не возникала: промедление стоило чужих жизней, и эта цена давила на плечи сильнее любой усталости.

В этом безумном и изматывающем ритме её по-настоящему удивлял Дэвид. Он не жаловался, не просил передышки и не спорил по мелочам — просто уверенно держал её сумасшедший темп. Напарник подхватывал сложные задачи на лету, вовремя подносил кофе и замечал то, что девушка упускала в спешке. Её поражало то, что этот парень видел мир на какой-то иной частоте, позволявшей подмечать скрытые мотивы там, где она видела лишь сухие факты.

«Наконец-то мне нашли человека, с которым действительно можно иметь дело», — подумала Бэт, мельком взглянув на него сквозь мерцание монитора, подсвечивающее его резкие черты лица.

В груди разлилось непривычное тепло — не радость, а скорее тихое, почти незаметное облегчение. В сосредоточенности Дэвида было что-то надёжное. Этот мужчина напоминал ей глухой бетонный волнорез, способный выдержать любой шторм и не дать стихии разбить их маленькую команду в щепки, пока вокруг рушится весь остальной мир.

Спустя несколько часов электрическую тишину, нарушаемую лишь монотонным гулом ламп, разрезал резкий, искаженный помехами голос диспетчера:

— Всем постам. Объект обнаружен у центрального входа в городской парк. Повторяю: подозреваемый зафиксирован в третьем секторе. Время — два семнадцать.

В этот час парк казался вымершим — из-за комендантского часа город словно вырезал эту зону из общей сети, оставив лишь пустынные аллеи, редкие фонари с дрожащими кругами желтоватого света и глухой шум ветра в кронах деревьев. Предрассветный полумрак играл на стороне хищника: в заброшенной парковой зоне Блumu было проще всего выследить последнюю жертву. Он умел сливаться с густыми тенями, превращаясь в едва уловимое движение среди бетонных парапетов и старых аттракционов — чудовищная сущность, скрытая под маской обычного человека.

Бэт рывком поднялась со стула и на ходу перекинула через плечо ремень тактического жилета. Карабины глухо звякнули, этот звук мгновенно выбил из нее остатки сонной одури.

— Поехали, — бросила она напарнику, устремляясь к дверям так стремительно, что автоматика едва успела сработать, открывая проход в темный коридор.

Дэвид без лишних слов двинулся следом, на ходу проверяя заряд батареи коммуникатора. Они оба понимали, что счет пошел на секунды.

К парку они отправились вдвоем, сознательно отказавшись от массивного сопровождения. Слишком высокий риск: тяжелые броневики и суeta оперативников спецназа гарантированно спугнули бы Данклора, заставив уйти через подземные коммуникации. Группу захвата оставили на ближнем периметре, в квартале от центральных ворот — штурмовики замерли в десантных отсеках, готовые сорваться с места по первому сигналу Бэт. Но сейчас все зависело от их пары, от умения двигаться бесшумно и слаженно.

Напарники синхронно опустили на глаза визоры тепловизионных очков. Цифровые приборы мгновенно перестроили восприятие ночной мглы, превратив ее в причудливую неоновую мозаику: холодные сине-серые контуры деревьев, редкие оранжевые пятна затаившихся птиц и ядовито-зеленый фон бетонных дорожек. Эта технология лишала убийцу его главного козыря — способности прятаться в темноте. Оптика фиксировала малейшее тепловое излучение, раскладывая разницу температур на четкие линии. Ночной парк превратился в тактическую карту, где любая вспышка тепла могла означать либо спасенную жизнь, либо смертельную ловушку.

Кроме того, они вооружились тяжелыми ветеринарными ружьями. Заряженные в них транквилизаторы предназначались для нейтрализации крупных целей: доза убойного нейрoлeптика в капсулах была рассчитана на то, чтобы мгновенно блокировать нервную систему даже самого живучего пришлого. Мощный состав погружал субъект в глубокое беспамятство быстрее, чем активировались его рефлексy.

Они продвигались вглубь парковой зоны, ступая настолько осторожно, что даже минимальный шорох влажного гравия под подошвой тактических ботинок казался недопустимой ошибкой. Мокрые ветки кустарника хлестали по рукавам курток, ледяные капли ночной росы срывались за воротник, обжигая кожу, но Бэт и Дэвид не обращали на это внимания. Весь их мир сузился до прицельной марки визора и сканирования секторов.

Наконец Дэвид резко замер. Его ладонь едва ощутимо коснулась предплечья Бэт, призывая зафиксировать позицию. В окулярах цифрового прибора чётко проступили два кон-

трастных силуэта. Первый — блёклый, синевато-серый, с неровным, остывающим контуром: напуганная до предела жертва, чей метаболизм замедлялся под воздействием шока, а периферические сосуды спазмировались от первобытного страха. Второй контур, напротив, полыхал ядовито-оранжевым спектром. Внутри этого существа бушевал аномальный внутренний жар, разгоняющий кровь перед финальным броском.

Бэт мгновенно опознала Данклора. Изменённая физиология твари сейчас работала на пиковых оборотах: её мышечные ткани стремительно перестраивались, накапливая колоссальный объем энергии и неестественную силу, недоступную человеческому организму. В этом яростном инфракрасном свечении визора читалась вся хищная суть, чужеродный биологический мотор, требующий подпитки для завершения цикла.

Напарники рванули на перехват, ломая скрытность, так как секунды уже работали против них. Бэт на ходу сдёрнула мешающие очки тепловизора и первой ворвалась на темную аллею к потенциальной жертве. Это была молодая девушка, чьи расширенные от ужаса зрачки в предрассветном полумраке казались черными провалами. Агент мёртвой хваткой вцепилась в её обмякшее запястье и резко рванула на себя, уводя в сторону с линии атаки — прочь от траектории прыжка.

Дэвид тем временем вскинул ветеринарное ружьё. Выстрел прозвучал неожиданно громко. Сухой хлопок эхом раскатился по глухой аллее, на секунду заглушив свист ветра — сам воздух, казалось, уплотнился от этой резкой звуковой волны. Но Данклор среагировал на движение за долю секунды до выстрела. Тяжелый шприц с нейролептиком пролетел мимо цели, с треском срезал ветку кустарника и скрылся в густых зарослях, оставив после себя лишь шорох опадающих листьев.

Тварь яростно взвыла. Звук был глубоким, вибрирующим — не человеческим и не звериным, а чужеродным, бьющим по барабанным перепонкам. Частота этого клёкота физически давила на психику, выдавая infernalную природу существа. В то же мгновение Данклор рванул напролом с бешеной скоростью, мелькая размытой серой полосой между стволами деревьев и мгновенно растворяясь в предрассветном полумраке. Бэт мертвой хваткой прижала к себе бьющуюся в истерике девушку, блокируя ее движения, чтобы та в панике не бросилась следом за хищником — напрямик в лесной сумрак, где ее неизбежно настигла бы смерть.

— Всё, всё, тише, — ровно и авторитетно произнесла Бэт, фиксируя плечи спасенной и не отрывая взгляда от чернеющей чащи, куда ушел монстр.

— Ты со мной. Ты в безопасности.

Дэвид подбежал к ним, на ходу возвращая на лоб ПНВ и быстро оценивая тактическую обстановку. Его взгляд контролировал периметр, жестко сканируя каждый подозрительный сектор между деревьями:

— Она цела

— Да, — выдохнула Бэт, чувствуя, как адреналин жжет вены.

Она упрямо всматривалась в темноту. Ей почти хотелось, чтобы Данклор совершил ошибку и вернулся — чтобы закончить это здесь и сейчас, пока злость блокировала подступающий к горлу страх.

— Он ушел.

— Недалеко, — отозвался Дэвид. Его голос оставался ровным, но в нем вибрировала профессиональная уверенность. — Я вижу его остаточный след. Его аномальное тепло от тела еще держится на коре и сломанных ветках.

Бэт коротко кивнула, передавая гражданскую подоспевшим тактическим оперативникам из группы поддержки. Бойцы штурмовой группы в глухих шлемах бережно перехватили девушку и увели ее к периметру, под защиту ярких фар служебных броневиков.

— Доложим диспетчеру, — сказала Бэт. Её голос звучал жёстко, без дрожи — она запечатала страх в самый дальний угол сознания, туда, где он не мог помешать делу.

— И пойдём по следу. Мы не дадим ему завершить цикл.

Оперативники растерянно переглянулись. Все ждали команды, ждали хоть какой-то осязаемой зацепки. Штурмовой группе нужна была точка опоры — никто не хотел вслепую сорваться в чёрные заросли, не зная, где именно тварь затаилась.

И тут один из бойцов, стоявший ближе к кирпичной стене на выходе из аллеи, резко вскинул штурмовую винтовку, рассекая темноту лучом фонаря:

— Там! Вижу движение!

Все разом обернулись, вскидывая оружие. Между деревьями на долю секунды мелькнула жуткая, искажённая фигура: идеально круглый, распахнутый в немом оскале рот, усеянный рядами острых зубов, и глаза, горящие ядовитым зелёным пламенем, прорезавшим ночную мглу. Силуэт дёрнулся и рванул прочь. Сама ночь, казалось, с треском рвалась по швам от его запредельной, нечеловеческой скорости.

Дэвид не ждал ни подтверждения, ни команды. Он уловил тот короткий миг, когда монстр выдал себя, и мгновенно прочёл его траекторию — туда, где хрустнул сучок, где сырой воздух ещё дрожал от чужого присутствия. Без лишних слов и предупреждающих криков он сорвался с места, растворяясь в чаще.

На мгновение вокруг Бэт повисла растерянная, колючая тишина. Оперативники застыли, переводя ошарашенные взгляды с исчезающей в темноте фигуры Дэвида на неё. Все ждали, что она сейчас рывкнет «стоять!» и прикажет вернуть безумного новичка назад.

Бэт сделала шаг вперёд, собираясь отдать приказ к общему штурму, и вдруг замерла. Дэвид не просто бежал — он скользил между стволами деревьев пугающе плавно, словно вообще не касался мокрой земли. Ни единого лишнего шороха, ни одна ветка не задела его плечо, а дыхание оставалось идеально ровным. Он перемещался так, будто знал эту ночную тьму лучше, чем собственный дом, и она покорно принимала его как своего, укутывая тенями.

«Обычный человек не способен так двигаться», — холодная игла подозрения больно кольнула сознание. Но размышлять над загадками напарника было некогда. Данклор уходил, стремясь затеряться в глухом лабиринте городских переулков.

Если сейчас потерять его из виду, следующей зацепки можно не найти до самого финала цикла.

Дэвид тем временем мчался вперёд, неотрывно удерживая чудовищную массу в поле зрения. На выходе к открытому пространству он на долю секунды притормозил у раскидистого дуба — массивный ствол на миг заслонил его, превратив в чёткий тёмный силуэт на фоне ночного неба. Он снова поймал цель в перекрестие прицела. На этот раз осечки не произошло: дротик со снотворным с мягким хлопком вонзился точно в мощное плечо Данклора.

Существо остановилось как вкопанное и издало дикий, жуткий звук. Это был не крик и не вой — утробный скрежет, похожий на трение ржавого металла о кость, от которого по спине бежали ледяные мурашки. Его тело судорожно дёрнулось. Мышцы под курткой вздулись уродливыми буграми, а жилы проступили под кожей, как натянутые чёрные канаты. Лицо Блума буквально поплыло, теряя человеческие очертания. Кожа стянулась, черты исказились — будто сама чужеродная изнанка чудовища на мгновение прорвала его фальшивую земную маску.

В следующий миг монстр рухнул на землю, как подрубленное дерево, и затих — тяжёлый, неподвижный, но всё ещё пугающе живой.

Группа захвата быстро добралась до места, где Данклор лежал без сознания. Оперативники двигались чётко и без суеты, было полное ощущение, что они репетировали этот сценарий сотни раз. Каждый жест был отточен до автоматизма. Старший группы, крепкий мужчина с жёстким, цепким взглядом, коротко скомандовал в рацию:

— Объект на земле. Подтверждаю нейтрализацию.

Бэт на мгновение прикрыла глаза, заставляя утихнуть ярость, что гнала её вперёд все это время. Теперь это глухое бешенство было не нужно — по крайней мере, пока. Она сделала медленный вдох, пытаясь вернуть себе контроль над голосом, мыслями и собственным телом.

— Главное, что он дышит, — добавила она негромко, скорее для себя, чем для операторов. — Нам он нужен только живым.

Пленника быстро сковали специальными наручниками. Это были не обычные стальные браслеты, а тяжёлые оковы со вставками из особого сплава, блокирующего аномальную биохимию пришлых. Металл слегка светился тусклым фиолетовым светом, словно впитывал остатки чужой энергии, гасил её и запирали внутри, не давая просочиться наружу ни единой искрой.

Один из бойцов, молодой парень с напряжённым лицом, наклонился, чтобы проверить пульс на шее Блума, но в следующую секунду резко отдернул руку, словно обжёгся о раскалённую плиту.

— Чёрт... У него температура под пятьдесят! И сердце... я в жизни такого не видел. Бешено колотится, будто пытается вырваться из груди.

Старший группы лишь угрюмо хмыкнул, проверяя затворы на запястьях. Его пальцы уверенно щёлкнули замками, фиксируя металл.

— Держите дистанцию, — приказал он подчинённым. — Это не человек.

Тело Данклора погрузили в бронированный фургон, который больше напоминал передвижную лабораторию, чем транспорт. Внутри мерцали мониторы и тихо гудели датчики, фиксируя малейшие скачки показателей: частоту сердцебиения, тепловое излучение, уровень аномальной активности в тканях. Каждый сигнал на экране был не просто цифровым кодом — это была попытка разгадать, как устроено существо, которое столько лет жило среди людей, пряча свою истинную суть за маской обыденности.

Данклора, всё ещё находившегося без сознания, доставили в бункер и поместили в изолированную камеру. Её стены были не просто толстыми — их выложили пластинами из экспериментальных материалов, каждый из которых гасил определённый тип аномальной активности. Первое покрытие полностью поглощало тепловое излучение, второе блокировало электрические импульсы, а глубинная броня буквально «съедала» любые колебания пространства, не оставляя существу ни единого шанса на побег. Даже малейшая искра энергии тут же растворялась в этой многослойной тишине.

Коллеги Бэт и Дэвида уже были рядом, чтобы лично изучить столь опасный и редкий образец. Джозеф, подключившись к датчикам системы наблюдения, тихо присвистнул. В этом звуке прозвучало не восхищение, а леденящий холодок тревоги.

— Его метаболизм до сих пор сопротивляется нейролептикам, — произнёс аналитик, не сводя взгляда с пульсирующих графиков на панели монитора.

— Даже в глубоком беспомоществе организм стремится перестроить клетки под новые нужды. Это... пугающе эффективно. Он точно и не спит вовсе, а просто затаился, готовясь к следующему рывку.

Кевин подался вперёд, его пальцы невольно сжались в кулаки от смеси азарта и тревоги. Ему не терпелось изучить анатомию существа — чуждое холодного любопытства, это было продиктовано необходимостью понять, с чем именно они столкнулись. Ведь далеко не каждый день встречаются столь редкие создания, способные трансформировать собственное тело: перекраивать ткани, менять структуру костей и обманывать саму физиологию. И если не разгадать этот скрытый механизм сейчас, пока монстр обездвижен, в следующий раз они могут просто не успеть.

Бэт же стояла у толстого прозрачного стекла операторской, за которым скрывалась непробиваемая энергокапсула. Она молча смотрела на неподвижное тело Алекса Блума, который уже начал возвращать свой человеческий вид. Обычный учитель, приветливый сосед, «хороший парень» — и кровожадное чудовище, объединённые одной плотью.

В груди девушки всё ещё глухо кипела ярость, но теперь к ней примешивался новый, отрезвляющий тон: глубокое удовлетворение от того, что это страшное дело наконец-то доведено до конца. И вместе с тем — горький осадок: победа пришла слишком поздно, и этим не вернуть Китти.

Дэвид подошёл ближе и встал рядом у смотрового окна. Его дыхание было абсолютно ровным — недавний спринт с монстром сквозь ночной парк и запредельный темп преследования вообще не оставили в нём видимого следа.

— Ты бежал за ним так неестественно быстро. Как тебе это удалось? — Бэт внимательно, посмотрела на него.

— Правда? — с легким удивлением спросил Дэвид, а затем невозмутимо добавил:

— Видимо, адреналин.

Данклор, который к этому моменту уже полностью вернул облик обычного мужчины, внезапно зашевелился на кровати капсулы. Всё ещё не приходя в сознание, он принялся бормотать себе под нос странную, обрывистую фразу. Через динамики интеркома эти звуки падали в тишину операторской, как тяжёлые капли:

— Дар, ты обещал помочь... Ты обещал...

Бэт резко развернулась к напарнику:

— Ты слышишь? — её голос прозвучал чуть резче, чем хотелось бы.

— Да, — спокойно ответил Дэвид, всматриваясь в глубину капсулы. — Но о ком он говорит?

— Понятия не имею.

Напарники рассчитывали дожидаться, когда Алекс придёт в себя для полноценного допроса, но, к сожалению, спустя несколько часов он скончался, так и оставив их без ответов. Организм Блума попросту не выдержал колоссального стресса и прерванной трансформации. Внутренние биохимические процессы, запущенные ради выживания, в итоге его и погубили, буквально сожрав изнутри, а мониторы Кевина уныло зафиксировали ровную линию.

Утром сотрудники Бюро официально сообщили жене Блума, что Алекс погиб в результате страшного несчастного случая. Старший агент говорил тихо, стараясь не сыпать соль на свежую рану, и всё равно эта ложь казалась невыносимой.

— Мы искренне сожалеем, — добавил он, чуть наклонив седую голову. — Это очень тяжёлая новость.

Потом пришлось произнести самое трудное:

— К сожалению, авария была слишком сильной. От тела ничего не осталось, чтобы можно было совершить захоронение. Мы понимаем, как это усложняет всё... и как мало это даёт для нормального прощания.

Женщина молча опустила голову. Её пальцы мертвой хваткой вцепились в деревянный край стула, но она не заплакала. Вдова просто смотрела куда-то чуть мимо оперативников.

Младшая сотрудница тихо поставила перед ней стакан прохладной воды. Девушка не проронила ни слова — просто сделала то единственное, что хоть немного могло пригодиться несчастной прямо сейчас.

— Если будут вопросы, — произнес старший агент уже вне протокола, бережно коснувшись плеча вдовы. — Любые, даже самые мелкие... пожалуйста, обращайтесь. Мы постараемся помочь.

Женщина снова едва заметно кивнула — скорее чтобы дать понять, что ещё различает человеческую речь, чем потому, что действительно верила в чью-то помощь.

А в это время Бэт, вернувшись в свой кабинет, остановилась у магнитной доски с уликами. Сжав в руке чёрный маркер, она вывела на самом верху новое имя — Дар, а затем размашисто поставила напротив него три жирных вопросительных знака. Она пыталась зафиксировать эту зловещую тень, не дать ей раствориться в воздухе. Затем дрожащими пальцами Бэт потяну-

лась к криминалистическому снимку Китти. Она аккуратно открепила его от доски и бережно прижала фото к груди, тяжело вздохнув. Ей отчаянно хотелось воскресить в памяти её живой, тёплый взгляд и звонкий, чуть дерзкий смех, который теперь будет звучать лишь в воспоминаниях.

— Мы смогли, Кит, — едва слышно прошептала она в пустоту, будто подруга могла её услышать сквозь невидимую границу миров. — Мы поймали его...

Слова повисли в холодном воздухе кабинета — пустые и блёклые, совершенно не способные заполнить разрастающуюся внутри чёрную дыру. И в это мгновение плотина, которую Бэт упрямо возводила, окончательно рухнула. Слёзы хлынули неудержимым, горячим потоком — тем самым, который она так долго и мучительно заставляла себя подавлять, пряча за маской абсолютного хладнокровия. Плечи девушки судорожно заходили от беззвучных, душащих рыданий.

Дверь кабинета бесшумно приоткрылась. Дэвид замер на пороге. Он словно боялся потревожить этот момент, нарушить хрупкое равновесие, в котором Бэт балансировала между личной потерей и профессиональным долгом. А затем он осторожно подошёл ближе и просто обнял её — крепко, но бережно. Он не пытался ничего объяснять и не подбирал фраз утешения. Дэвид просто держал её в своих руках, пока она плакала. А Бэт впервые в жизни позволяла кому-то вот так стоять рядом и защищать её от всего мира.

Подобная уязвимость была совершенно чужда её. Обычно она никогда не открывалась малознакомым людям, а тем более — не позволяла прикасаться к себе, ревностно оберегая личные границы. Но по какой-то неведомой причине Дэвид вызывал у неё абсолютное, почти мистическое доверие. Рядом с ним ей впервые за много лет захотелось сбросить тяжёлую броню и стать настоящей. Не прятать ни слабости, ни страха, ни парализующей боли.

Когда плач начал утихать, Бэт уткнулась лбом ему в грудь. От напарника исходило едва уловимое, согревающее тепло.

— Я всё время думала, что должна была её уберечь, — прошептала она, — Должна была...

Затем Бэт медленно выдохнула, и с этим облегчением из неё словно ушла часть неподъёмной тяжести, давившей на плечи последнее время. Не вся — такую глубокую боль не смыть одним разом. Но дышать в его руках действительно стало чуть легче.

Наконец она аккуратно отстранилась, ладонями стирая с лица остатки слёз. Бэт слабо улыбнулась напарнику — не привычной, отрепетированной маской собранности, а настоящей, пусть и бесконечно усталой улыбкой.

— Спасибо, — сказала она просто. — Мне это было нужно.

Дэвид тепло хмыкнул и ответил коротким кивком, не отрывая от неё понимающего взгляда. Он бережно взял со стола её ключи и кивнул на выход:

— Пойдём отсюда. Не на новое дело и не в архив. Просто туда, где тихо. Где можно не думать ни о монстрах, ни о том, кто прячется в темноте.

Они вместе вышли из полутёмного отдела, оставив позади доску с загадочным именем Дар и посмертные фотографии. На сегодня их расследование было окончено. Но уходя Бэт впервые поймала себя на мысли, что тьма, от которой она так отчаянно пыталась защититься, возможно, идет с ней шаг в шаг.

В ритме пятидесятих

Выходные Бэт прошли в непривычном, почти пугающем покое — без тревожных звонков Бюро, новых зацепок и бесконечного перебора рабочих версий. В этой тишине пустого дома зрело отчётливое желание встряхнуться, сбросить с плеч давящую тяжесть последних дней. Смерть Китти оставила слишком глубокий шрам, и Бэт нужно было почувствовать, что она способна хоть что-то менять по своей воле — хотя бы в самой себе.

На следующее утро мегаполис за окнами сиял на максимальной яркости, разгоняя остатки ночного тумана. Бэт шла по коридору отдела, тихонько напевая себе под нос весёлый мотивчик, словно наперекор собственным мыслям. На краткий миг она позволила себе эту лёгкость — своеобразный внутренний щит, необходимый перед тем, как снова включиться в опасную игру.

Распахнув дверь кабинета, она на мгновение остановилась. Джозеф и Кевин разом повернулись к ней. В их глазах не было привычной оперативной тревоги — скорее теплое, профессиональное любопытство, смешанное с искренним изумлением.

Бэт улыбнулась и пошла в атаку первой, опережая неизбежный шквал подколов:

— Да, теперь я розовая. Решила, что нашему мрачному отделу не помешает немного цвета.

Кевин застыл с черничным маффином на полпути ко рту. Он медленно опустил руку, прищурился, оценивая масштаб бедствия, и вздохнул:

— Розовые волосы до плеч... Бэт, скажи честно, ты заколебалась заполнять рапорты и решила, что смерть от рук монстра — отличный способ уйти с работы пораньше? Или мы официально отменяем тактику «слиться с толпой»? Тебя же теперь из космоса видно.

Бэт фыркнула, с лёгким вызовом скидывая куртку на спинку рабочего кресла:

— Зато если ты опять засмотришься на свои графики и потеряешься на выезде, то всегда сможешь быстро меня отыскать в толпе.

Кевин рассмеялся, глубже откинувшись в кресле:

— Ладно, засчитано. Но если завтра ты заявишься в латексном костюме супергероя, я официально внесу это в рапорт для шефа. Чисто ради премии за креативность в полевых условиях.

Бэт опустилась на свое место и привычным, отточенным движением расставила папки на столе — каждый документ строго на свой сантиметр:

— Договорились. Поделим премию пополам, куплю тебе нормальный кофе вместо этого растворимого ужаса.

Джозеф, не отрывая глаз от бегущих строк на мониторе, тихо хмыкнул. Затем аналитик всё-таки поднял голову — его взгляд, как всегда, лучился спокойной, отцовской мудростью:

— Главное, дочка, чтобы под этим легкомысленным цветом голова оставалась такой же холодной. Остальное — причуды.

Бэт уверенно кивнула, включая компьютер:

— Не переживай, Джо. Мой фокус в полном порядке. Я по-прежнему вижу и следы Разломов, и ложь подозреваемых на допросах, и даже то, как Кевин прямо сейчас пытается незаметно засунуть пустую обертку от маффина под клавиатуру. Новый пигмент на внимательность не влияет.

Старший аналитик чуть заметно качнул головой и снова погрузился в чтение таблиц. Кевин, жуя на ходу, лишь шутливо огрызнулся, с ухмылкой поглядывая на напарницу.

В этот момент в помещение быстро вошел Дэвид. Он всё еще привыкал к здешним порядкам, и к тому, что в их отделе «нормально» — понятие весьма растяжимое. Едва переступив порог, парень резко замер. Несколько секунд он молча разглядывал Бэт. В его пронзительно-синих глазах секундное замешательство мгновенно сменилось чем-то очень тёплым, искренне восхищённым.

Затем его взгляд медленно переместился на Кевина, который уже успел выставить на край стола пластиковую табличку «Зона повышенной иронии», и на Джозефа, полностью игнорировавшего любые внешние раздражители.

— Я... пропустил какой-то важный инструктаж по маскировке? — осторожно поинтересовался Дэвид, мягко закрывая за собой дверь. — Или в Бюро по понедельникам принято сходить с ума всем отделом, а мне просто забыли скинуть расписание?

Бэт усмехнулась, не поднимаясь с места и лениво покручивая в пальцах карандаш:

— Добро пожаловать в реальность, Дэвид. Тут безумие идёт не по расписанию. Оно просто... есть. И считается нашим законным рабочим фоном.

Кевин проглотил остатки маффина, покопался в глубоком ящике стола и протянул новичку маленький значок с шутливой гравировкой «Выживший в первый день»:

— На, держи. Это традиция нашего отдела. Не переживай: если через месяц поймаешь себя на том, что цитируешь мои шутки в официальных рапортах шефу, — значит, адаптация прошла успешно.

Дэвид принял подарок, покрутил его в пальцах и вдруг открыто улыбнулся:

— Тогда я, пожалуй, начну привыкать прямо сейчас.

Бэт на мгновение зафиксировала взгляд на его лице. В этой улыбке напарника таилось что-то такое, от чего глухая тяжесть, которую она безвылазно таскала в груди после гибели Китти, на миг становилась чуть легче. Она быстро опустила глаза, испугавшись, что кто-то из команды считает эту мимолетную слабость и поспешно потянулась к стопке папок на краю стола, принявшись перебирать их края чуть резче, чем требовалось.

Джозеф, по-прежнему не отрываясь от экрана, тихо хмыкнул со своего места:

— Если примет юмор Кевина — значит, точно наш человек.

И тут резко, на высокой, вибрирующей ноте зазвонил стационарный телефон внутренней связи. Тяжелый звук ворвался в комнату, точно сирена, и все присутствующие невольно замерли. В их отделе эти аппараты никогда не трезвонили просто так. Каждый подобный сигнал означал новую угрозу для города.

Бэт протянула руку к пластиковой трубке. На секунду задержав дыхание, она сняла её и коротко, по-военному бросила в мембрану микрофона:

— Анабэт Моус. Слушаю.

На том конце провода отозвался шеф подразделения, Эдвард Коул. Он руководил особой структурой с самого её основания: когда-то лично выезжал на каждое аномальное происшествие, знал наизусть ключевые международные архивы и никогда не упускал из виду ни одной детали.

Обычно его голос звучал ровно, весомо и безэмоционально, как судебный приговор. Но сейчас сквозь мембрану проскользнуло что-то пугающе новое — не мимолётное раздражение начальства и не оперативная усталость, а глухая, затаённая тревога, от которой у Бэт мгновенно похолодел затылок.

— Зайдите с Дэвидом ко мне, — коротко бросил Коул и, не дожидаясь ответа, оборвал связь.

Частые, прерывистые гудки мёртво зазвучали в тишине кабинета. Бэт медленно опустила трубку на рычаг, будто пластик вдруг налился тяжёлым свинцом. Затем перевела взгляд на Дэвида. В его пронзительных глазах отразилось то самое немое понимание, которое возникает у напарников в первые секунды грядущей опасности: «Что-то произошло».

Не прошло и минуты, как они уже стояли в кабинете начальника.

— Присаживайтесь, — Эдвард кивнул, указывая на массивные кресла у своего стола.

Он словно проигнорировал розовые волосы Бэт — или намеренно делал вид, что это его не касается. В такие моменты шеф умел мгновенно отсекал всё лишнее, потому что в его работе не было места лишним эмоциям.

Напарники сели. В воздухе висело тяжелое безмолвие — оно физически ощущалось в пространстве, заставляя внутренний фокус Бэт обостриться до предела. Эдвард не спешил. Он смотрел куда-то сквозь агентов, словно тщательно взвешивал каждую деталь новой вводной. Когда Коул наконец прервал тишину, его голос прозвучал непривычно тихо — так отдают приказы, которые не должны попасть ни в один официальный протокол Бюро:

— У меня к вам личная просьба.

Он откинулся на высокую спинку кресла, сцепил пальцы в замок и на мгновение замолчал, фиксируя на подчиненных тяжелый, пронизательный взгляд. В этом жесте не было слабости — скорее холодный расчет человека, который привык просчитывать риски на десять шагов вперед и прямо сейчас переступает через рамки устава. Бэт поняла: шеф задействует их не как винтики государственной машины, а как автономных охотников, которым он готов доверить то, что нельзя доверить системе. Это была уязвимость совершенно иного рода — вынужденное признание, что официальные рычаги власти здесь больше не работают.

— Это дело пойдёт полностью в обход стандартного протокола, — продолжил Эдвард, сделав паузу, словно взвешивал допустимый уровень секретности. — Прошлой ночью пропал сын моих близких друзей. Семья, разумеется, сразу подняла на ноги полицию, но я уверен, что этот случай выходит далеко за рамки обычной розыскной работы. Он по природе своей относится к нашему профилю.

— С чего вы так решили, сэр? — тихо спросила Бэт, слегка подавшись вперёд.

Её пальцы едва заметно сжались на кожаных подлокотниках — старая привычка, которая всегда выдавала внутреннее напряжение, пока лицо оставалось безупречной маской спокойствия.

Эдвард помассировал переносицу, собираясь с мыслями перед сложным докладом, и глухо ответил:

— За несколько дней до исчезновения мальчик рассказывал родителям о каких-то новых друзьях, которые приходят к нему. И описывал он их... слишком специфически. Я не хочу делать поспешных выводов, но думаю, что к нему являлись трииды. Они попали в наш мир лет десять назад, после крупного прорыва. В целом это довольно безобидные существа, но, к сожалению, у них есть одна слабость — порой они уводят с собой человеческих детей.

— Зачем им дети? — нахмурилась Бэт.

В её голосе прозвучала искренняя тревога.

— Они любят играть, веселиться и искать приключения. А кто лучше всего подходит для этого? — с горькой иронией произнёс Эдвард. Чуть помедлив, он внимательно посмотрел на Бэт и добавил с едва заметной улыбкой, кивнув в сторону её новой причёски: — Дети... и ты, Бэт.

В её новом образе действительно появилось что-то, невольно напоминавшее о беззаботности: эти бунтарские розовые локоны, эта дерзкая искра в глазах. Будто вопреки всей жестокости их повседневной работы она назло вселенной цеплялась за утерянную способность удивляться окружающему пространству.

— Сэр, мы немедленно отправимся к родителям мальчика, чтобы во всём разобраться на месте, — решительно произнесла Бэт, встречая взгляд начальника с той профессиональной собранностью, которая всегда выручала её в патовых ситуациях.

— Вот адрес, — Эдвард протянул через стол плотный листок с аккуратно выписанными строками.

В этом простом, приземлённом жесте старого шефа читалась молчаливая мольба о помощи: вернуть ребёнка, которого так внезапно и необъяснимо отнял чужеродный мир.

Бэт скользнула глазами по ровным строчкам — и её плечи тут же обречённо поникли. Она тяжело вздохнула, а затем, не сдержавшись, страдальчески застонала на весь кабинет, едва не утыкаясь лбом в край стола:

— Ну нет... Только не эта резервация. Коул, за что? За какие грехи?

Дэвид, увидев столь бурную и эмоциональную реакцию всегда сдержанной напарницы, с искренним любопытством покосился на бумажную карточку в её руках:

— Что с этим местом не так, Моус? Чего ты так взвыла?

Бэт подняла на него выразительный взгляд, будто спрашивая: «Ты серьёзно не понимаешь, во что мы влипли?», и утомлённо покачала головой:

— Ты вообще местный, Стрэнт? Или тебя в инкубаторе Бюро вырастили?

А потом девушка на мгновение задумалась, подыскивая максимально точные слова для этого места:

— Это закрытая зона радикальных любителей ретро. Там все живут так, словно на дворе глухой 1950-й год. Никакой сотовой связи, никакого интернета, вообще ничего из современных технологий, которые стали для нас нормой. Да они даже о Разломах и пришлых слышать не хотят — для этих святош такой темы просто не существует. Они сознательно отрезали себя от мегаполиса, построили свой стерильный, замкнутый анклав и ревностно оберегают его границы от посторонних.

Дэвид нахмурился, переваривая эту дикую информацию:

— И как это работает на практике? Они просто выставляют за дверь любого, кто выглядит непривычно для их благословенной эпохи?

— Именно, — кивнула Бэт с усталой иронией. — И что самое паршивое, нам придётся тотально мимикрировать под местных, чтобы сойти за своих. Если, конечно, мы хотим, чтобы нас хотя бы за шлагбаум пропустили. Никаких гаджетов на виду, одежда — попроще и строго по регламенту тех лет... Иначе нас мигом сочтут испорченными гостями с большой земли и даже разговаривать не станут.

Дэвид опустил глаза на свои смарт-часы с кучей датчиков, которые привык считать незаменимыми в полевых условиях. Затем он перевёл взгляд на Бэт, на её пастельно-розовые пряди, и невесело усмехнулся:

— То есть мне придётся спрятать все свои «чудеса техники» и остаться без оперативной связи, а тебе... возвращать блонд?

Бэт вызывающе фыркнула, рефлекторно поправляя свежую причёску:

— И не подумаю. Придумаю что-нибудь с маскировкой прямо на ходу, подыщу какой-нибудь винтажный платок.

Эдвард едва заметно дёрнул уголок губ — это была почти улыбка, но тут же его лицо снова приняло серьёзное выражение:

— Главное, чтобы вас вообще впустили за периметр, агенты. Остальное — рабочие детали.

Бэт кивнула, ещё раз внимательно вчитываясь в адрес на бумажной карточке, будто пыталась силой мысли пробить плотный слой картона и увидеть, что скрывается за этими аккуратными строками.

— Мы вытащим парня, сэр, — сказала она.

Дэвид перехватил её взгляд и тихо, но уверенно добавил:

— Да. Мы справимся.

В этой короткой фразе прозвучало негласное обещание не только Эдварду, но и другу: они не оставят мальчика в том чужеродном измерении, куда его могли увести трииды.

Дэвид на мгновение представил себя в мешковатом пиджаке образца середины прошлого века и едва заметно хмыкнул. Впрочем, он тут же посерьёзнел, заметить, как пристально и изучающе наблюдает за ним напарница.

— Значит, придётся перевоплощаться, — спокойно подытожил он, принимая новый, пусть и весьма экзотический вызов.

Бэт согласно кивнула, уже мысленно прикидывая, где раздобыть подходящий винтажный гардероб и как выстроить деликатный разговор с родителями мальчика. Она слишком хорошо знала: люди, переживающие внезапную потерю, часто отчаянно цепляются за любые бытовые объяснения, кроме самых страшных. И если близкие не до конца понимают, с каким фантастическим феноменом столкнулись, их неосведомлённость может сыграть против расследования.

Они отправились в местный магазин театральных и карнавальных костюмов — место, где в пыльных витринах застыли целые эпохи, а воздух насквозь пропитался нафталином, ста-

рой кожей и запахом забытых праздников. Среди бесконечных вешалок с тяжёлым бархатом и пожелтевшим кружевом напарники вскоре подобрали вещи, идеально вписывающиеся в консервативную эстетику Грин-Валли.

Дэвид вышел из примерочной в элегантном тёмно-сером костюме с чуть завышенной талией, безупречно подчёркивающим его широкие плечи, и белоснежной сорочке с узким галстуком-селёдкой. Бэт выбрала платье в мелкий горошек с пышным расклёшенным подолом.

Но вынужденный маскарад едва ли радовал её. Больше всего Бэт бесил каштановый парик, который пришлось надеть поверх собственных прядей. Жёсткий, неестественно гладкий, он неприятно царапал кожу шеи и будто душил её бунтарскую натуру. Её свежий, дерзкий образ с розовыми локонами совершенно не сочетался с чопорным духом ушедшей эпохи. Теперь Бэт казалось, что под этим фальшивым каре она прячет часть собственной личности. Она то и дело нервно поправляла аккуратный ободок, безуспешно пытаясь вернуть утерянное ощущение контроля.

К тому же им срочно требовался транспорт, соответствующий времени, — без него весь план терял смысл. Обычные современные внедорожники в тот район не пускали. На въезде дежурил бдительный смотритель с высеченным из камня лицом: он дотошно сверял каждую деталь. Для жителей общины это был не каприз, а вопрос принципа. Они оберегали свой островок прошлого так ревностно, словно от этого зависела судьба цивилизации.

После недолгих поисков на складе ведомства им наконец выделили старенький седан. Внешне он казался в превосходном состоянии — будто его только вчера бережно выкатили из гаража коллекционера. Лакированные бока сияли, отражая косые неоновые лучи, ни единой царапины, ни малейшего намёка на ржавчину. Упругая кожаная обивка сидений хранила едва уловимый, благородный аромат: никакой пыли, никакой сырости — только чистота и забота. Тонкий руль, хоть и казался непривычно большим, ложился в руки уверенно, будто приглашая довериться старым механизмам и просто ехать вперёд.

И всё же Бэт не могла отделаться от странного чувства. Слишком уж идеально выглядела эта машина — словно её специально подготовили, чтобы она филигранно вписалась в требования резервации. Ни потёртостей на хромированной ручке двери, ни мелких сколов от грабля, ни следов времени, которые неизбежно остаются даже на самых ухоженных машинах. Это было не просто хорошее коллекционное качество — это была демонстративная, почти неестественная безупречность плоти и металла.

Именно этот седан мог без лишних вопросов открыть им ворота ретро-района, где стрелки часов замерли в далёком прошлом. Его силуэт, неторопливая стать и даже лёгкий, почти музыкальный скрип дверных петель были здесь своими, органичными. В глазах местных жителей раритет выглядел не музейным экспонатом, а обыденной частью привычного пейзажа — такой же естественной, как тени раскидистых клёнов на мостовой.

Бэт провела ладонью по капоту, ощущая пальцами прохладный металлический глянец:

— Выглядит так, будто он только что сошёл с конвейера, — пробормотала она, покосившись на Дэвида. — Даже не верится, сколько ему лет на самом деле.

Напарник неторопливо обошёл машину по кругу, коротко постучал костяшками пальцев по крылу и прислушался к глухому, чистому звуку железа — словно вёл с техникой безмолвный диалог. Затем он уверенно кивнул, бросив на неё быстрый взгляд:

— Именно поэтому дотошный заслон нас и пропустит. Наш транспорт не пытается казаться старым — он и есть старый. И при этом выглядит безукоризненно. Как джентльмен в безупречно сшитом костюме.

Бэт хмыкнула, но спорить не стала. Она прекрасно знала: порой успех сложной операции зависит не от новейшего шпионского снаряжения Бюро, а от твоего умения стать неотличимой частью чужого мира.

Даже если этот мир насквозь пахнет нафталином и слепо подчиняется давно забытым правилам.

Они сели внутрь. Тяжёлая дверь захлопнулась с основательным, глухим стуком, мгновенно отсекая агентов от привычного технологичного времени. Двигатель натужно взвыл, затем утробно зарычал и наконец ровно, бархатисто загудел — словно старый механизм тоже вспомнил свою прежнюю юность.

Дэвид положил ладони на руль и бросил на Бэт мимолётный взгляд:

— Готова?

Она на мгновение задержала дыхание, настраиваясь на рабочий лад, а затем решительно кивнула:

— Готова. Поехали спасать мальчишку. Даже если для этого мне придётся изображать примерную домохозяйку из прошлого века.

Но перед тем как включить передачу и снять машину с ручника, Стрэнт неожиданно добавил:

— Нам нужно заехать за конфетами.

Бэт удивлённо приподняла брови, от неожиданности позабыв даже про ненавистный, колючий парик:

— За конфетами? Зачем?

— Нужен большой кулёк сладостей, — кивнул Дэвид с таким невозмутимым видом, будто речь шла о покупке патронов или самого логичного в мире тактического снаряжения.

— Поверь мне, — добавил он чуть тише, с той спокойной уверенностью, которая появляется у профессионалов, когда один из них знает скрытые правила игры.

В кондитерской лавке по пути они быстро набрали целый бумажный пакет леденцов и карамелек. Когда они снова сели в машину, шуршащий свёрток лёг на кожаный диван прямо между ними — как маленький, но важный якорь их новой легенды.

Дорога до резервации оказалась серьёзной проверкой на терпение. Превосходный снаружи автомобиль на деле выдавал свой истинный возраст на каждом ухабе. Старая жёсткая подвеска, послушная на ровном городском асфальте, теперь натужно стонала на разбитых подъездных путях к общине. При каждом сильном толчке Бэт вздыхала так, будто техника наносила ей личную обиду. Раздражение нарастало с каждой милей, но изменить ситуацию она не могла: современные гаджеты бесполезно пылились в закрытом бардачке, а кожа под душем каре нещадно чесалась.

Дэвид, напротив, будто находил в этом путешествии своеобразное очарование. Он вёл тяжёлый седан уверенно и плавно, словно физически чувствовал ритм старых механизмов. Изредка он посматривал на взвинченную напарницу, но не пытался спорить с её тихим ворчанием — просто терпеливо ждал, пока уляжется эта внутренняя буря.

Наконец они добрались до Грин-Валли. Въезд на закрытую территорию был строго ограничен: попасть внутрь посторонним можно было лишь по специальному приглашению. К счастью, Эдвард заранее обо всём позаботился, пока его люди в городе колдовали над своей маскировкой. Старомодный шлагбаум поднялся, пропуская их за периметр.

Натужно скрипя изношенными деталями и тяжело вздыхая на крутых поворотах, «Шевроле» дотащил их до нужного адреса. Дэвид заглушил мотор, вышел и нажал на кнопку звонка у деревянной двери. Спустя мгновение она распахнулась. На пороге стояла заплаканная хозяйка дома. В её измученном взоре на долю секунды вспыхнула отчаянная надежда — вдруг это чудом вернулся сын? Но искра тут же погасла: перед ней находились двое абсолютно чужих людей.

Окинув гостей быстрым взглядом, несчастная мать инстинктивно обратилась к высокому, собранному Дэвиду, явно приняв его за главного агента. В этом странном районе люди до сих пор жили по консервативным законам американских пятидесятых, так что Бэт, предсказу-

емо сошла лишь за его помощницу. Бэт едва заметно нахмурилась, глубоко недовольная таким патриархальным распределением ролей, но вступать в дискуссию прямо на пороге не стала.

Она сделала мягкий шаг вперёд и тихо, но твёрдо произнесла, перехватывая инициативу:
— Мы пришли помочь. Нас прислал Эдвард Коул.

Женщина медленно кивнула, выдыхая, и покорно отступила в сторону, пропуская гостей. В гостиной их ждал отец мальчика. Напарники задали родителям несколько дежурных вопросов, а затем поднялись на второй этаж, чтобы осмотреть комнату Джо — так звали пропавшего ребёнка.

На первый взгляд внутри ничто не вызывало подозрений. Обстановка в детской казалась пугающе будничной: на стуле висела аккуратно сложенная рубашка, на столе застыла недопитая кружка какао, а на полу валялась пара носков — словно Джо просто вышел на минуту и вот-вот вернётся.

Но когда Бэт подошла к окну, её взгляд намертво зацепился за одну странность. Ухоженный задний двор резко обрывался у самой кромки леса. Бэт замерла, всматриваясь в эту границу. По спине пробежал ощутимый холодок — и вовсе не от сквозняка, а от жуткого чувства, что вековая чаща смотрит на неё в ответ.

— Странно, — тихо пробормотала она, наклоняясь ближе к стеклу и вглядываясь в густые заросли. — Между ухоженным газоном и диким массивом нет вообще ничего. Ни забора, ни живой изгороди... просто пустая полоса земли. Идеальная лазейка, чтобы увести кого угодно.

Дэвид подошёл бесшумно и встал рядом, не перебивая напарницу. Он тоже пристально смотрел на резкую грань между подстриженной лужайкой и тёмной стеной деревьев.

— Может, родители не думали, что Джо решится пойти в лесную глушь один, вот и не стали ставить ограждение, — предположил он.

Бэт упрямо покачала головой и недовольно фыркнула:

— Всё равно это глупо. Давай осмотримся во дворе, проверим траву.

Напарники спустились на улицу и обошли лужайку, но ничего подозрительного под окнами не обнаружили.

— Нам нужно зайти в лес, — решительно сказала Бэт, направляясь к деревьям и переступая голый рубеж.

Дэвид без лишних слов последовал за ней.

— Его там не может быть, он у нас очень боязливый мальчик! — крикнул им вслед из окна отец Джо, абсолютно уверенный, что сын не стал бы даже приближаться к лесу.

Однако, пройдя всего несколько метров среди сырого полумрака, агенты заметили лежащую возле большого старого корня детскую машинку — точно такую же, как те, что они видели в комнате пропавшего ребенка. Бэт опустилась на колено, подняла её, повертела в пальцах, а затем сокрушённо покачала головой:

— Родители были так непоколебимо уверены в своей правоте, что даже не удосужились проверить территорию сразу за порогом.

— Пойдём глубже, — решила она, поднимаясь на ноги. В её голосе прозвучало твёрдое утверждение.

— Если Джо ушёл в чащу, мы обязаны его отыскать. И сделать это нужно до наступления темноты.

Дэвид пристально всмотрелся вглубь лесного коридора, сканируя взглядом первые метры подлеска, а затем коротко кивнул:

— Идём.

Он огляделся, пристально вглядываясь в хитросплетение ветвей, будто пытался прочесть в них скрытую карту. Они продвигались вперёд. С каждым шагом окружающий мир становился всё безмолвнее: птицы окончательно смолкли, ветер утих. Словно лесные заросли намеренно

сжимались вокруг агентов, заставляя их ступать как можно осторожнее. Тяжёлые кроны деревьев плотно сомкнулись над головами, и блёклый дневной свет пробивался сквозь листву лишь редкими, дрожащими пятнами.

Около получаса напарники блуждали среди глухих стволов, пока неожиданно не вышли на просторную поляну. Сумрачные тени лежали здесь иначе — плотные, синеватые, будто лес нарочно сгущал полумрак, защищая своё тайное убежище от посторонних глаз. По всему периметру, хаотично разбросанные среди папоротника, высились странные земляные бугорки примерно в метр высотой. Бэт сделала осторожный шаг вперёд, и почва под тонкой подошвой её туфли едва слышно просела. К этой лесной прогулке она совершенно не готовилась, и теперь модельная обувь казалась худшим выбором — под ногами был не обычный грунт, а живой, пружинящий настил.

Она медленно повернула голову к Дэвиду. В его глазах читалось то же самое понимание: эта прогалина таила в себе нечто аномальное.

— Интересно, что это такое? — пробормотала Бэт, вглядываясь в причудливые контуры холмиков.

Она по привычке рефлекторно потянулась к поясу, где обычно висел мощный тактический фонарь, но тут же досадливо одёрнула руку. Никаких гаджетов, никаких современных вещей — вся электроника осталась в бардачке «Шевроле».

Внезапно насыпи с шуршанием осыпались, словно кто-то одновременно дёрнул за невидимые ниточки. Наружу, весело пища, высыпал целый рой пушистых созданий. Ростом они не достигали и метра, зато их антрацитово-чёрные глаза казались непропорционально огромными. В них, как в зеркалах, отражалось всё лесное окружение, но только куда ярче, сочнее и веселее — будто сама изнанка реальности специально раскрашивала картинку, чтобы заманить гостей в свою бесконечную игру.

Малыши визжали, подпрыгивали и мгновенно закружились вокруг напарников, превратившись в настоящий живой ураган из мягкого меха. Особенно их заинтересовал Дэвид. Из-за своего внушительного роста под два метра и строгого ретро-костюма он выглядел для них настоящим чудом — чем-то вроде векового шагающего дерева, которое вдруг решило выйти на опушку и заглянуть на праздник.

Насмотревшись на высокого парня, пушистая банда переключилась на Бэт и сбила её с ног в один миг — легко, изящно и с грацией реактивного снаряда. Так стоя гиперактивных щенков, сошедших с ума от счастья, валит хозяина на траву, затапливая его лавиной безумного восторга.

Бэт даже пикнуть не успела, как один меховой комок катапультной прилетел ей на плечо, второй мёртвой хваткой бульдога вцепился в подол, а третий технично поднырнул под локоть. Ойкнув, гроза монстров эпично рухнула боком в траву, отчаянно балансируя на одной руке, чтобы не пропахать землю носом.

Трииды устроили госте бесцеремонный досмотр. Окружив её, они верещали, свистели на все лады, как соловьи-разбойники, и дёргали её за рукава, словно проверяя фарфоровую куклу на прочность. Самый наглый пушистик без зазрения совести цапнул аккуратный ободок на её голове — изящный пластиковый аксессуар капитулировал, с тихим шелестом сползая в папоротники.

— Эй, полегче, пообрываете всё! — рявкнула Бэт, отплёвываясь от лезущей в рот шерсти и пытаясь удержать равновесие в этой пищащей куче-мале.

— Я вам не шведская стенка и не бесплатный батут!

Триидам было плевать на человеческие протесты. Сумасшедшая энергия била из них ядерным фонтаном, а сопротивляться этому мохнатому цунами было так же бесполезно, как ловить голыми руками взбесившийся фейерверк.

Стиснув зубы, Бэт ловким приёмом смахнула с плеча цепкие лапки и попыталась встать на четвереньки. Винтажное платье тут же выдало жалобный треск по швам — ещё мгновение, и бурный восторг аборигенов оставил бы от её карнавального наряда только нитки.

— А ну брысь! Хватит! — включила она режим сурового командира, и этот командный рык уже совсем не походил на шутку.

И это сработало идеально. Малыши мгновенно замерли. Тот прохвост, что утащил трофей, застыл, сжимая ободок в крошечной лапке, и забавно склонил голову набок. Остальные пушистики тоже притихли, только удивлённо переводили свои блестящие антрацитовые глаза с пластикового кольца на Бэт. Всем роем они пытались сообразить: что именно сделали не так?

Каштановый парик, и без того сидевший криво после падения, без поддержки съехал на ухо окончательно. Плотная розовая прядь её настоящих волос выбилась наружу и вызывающе упала на лоб. Троицы дружно, оглушительно пискнули — не от испуга, а от абсолютного, детского восторга. Для них это было сродни редкому лесному сокровищу.

Самый смелый малыш снова подался вперёд, заворожённо потянулся к её голове и осторожно тронул яркий локон самым кончиком коготка, проверяя подлинность этой очередной детали чужого наряда.

— Не надо, — Бэт произнесла это твёрдо, глядя хулигану прямо в глаза, а затем повторила чуть мягче, но так, чтобы в тоне чётко чувствовалась нерушимая граница:

— Не трогай. Это не игрушка. И я — не игрушка.

Существо послушно замерло, всё ещё удерживая тонкую лапку в каком-то сантиметре от её розовых волос. Потом триид медленно отступил, застенчиво опустил ладони и вдруг протянул ей крошечный лесной цветок — бледно-сиреневый, с дрожащими от волнения лепестками. Бэт удивлённо моргнула, принимая этот неожиданный подарок.

Всё это время Дэвид стоял в стороне, честно пытаясь сохранить лицо сурового оперативника, но в конце концов не выдержал и расхохотался от души. На лесной поляне его голос звучал громко и на редкость открыто — рядом с Бэт вся его армейская выправка и привычка держать дистанцию испарялись без следа. Он просто не мог оторвать взгляд от её воинственного, но ужасно комичного вида. Наконец, утерев выступившие от веселья слёзы, он подошёл ближе и аккуратно подхватил Бэт под локоть, помогая напарнице подняться.

— Весело тебе? — съязвила она, сердито зыркнув на него снизу вверх, пока свободной рукой яростно поправляла сбитый ободок и натягивала парик обратно.

Из-за этого шумного переполоха агенты далеко не сразу заметили самого Джо. Мальчик беззаботно носился по прогалине вместе со своими новыми друзьями. Он заливисто хохотал, кричал ничуть не тише пушистых хозяев леса и размахивал руками, будто соревновался с ними, кто умеет радоваться громче.

Бэт оцепенела, пытаясь осознать увиденное. Дэвид инстинктивно шагнул вперёд, засялая её своим широким плечом, но тут же расслабился и опустил руку. Никакой опасности здесь не было.

Угмонить пушистую лавину удалось лишь после того, как Дэвид открыл заветный бумажный кулёк. Он присел на корточки, чтобы оказаться вровень с хозяевами этой опушки, и дружелюбно протянул им яркие леденцы. Лесные жители застыли на мгновение, забавно приносясь к незнакомому сладкому аромату, а затем осторожно, тонкими пальчиками потянулись к угощению.

Расхватав конфеты, они окружили гостей плотным, мягким кольцом. Прыжки прекратились. Существа выстроились в ряд, внимательно и строго изучая агентов, словно оценивали, можно ли доверять этим пришельцам с большой земли.

И всё же угощение сделало своё дело. К огромному удивлению Бэт, трииды вдруг заговорили на человеческом языке. Они изъяснялись немного сбивчиво, делая забавные паузы, посвистывая и резко меняя интонации, будто пробовали земные слова на вкус. Принесенные

сладости окончательно растопили их подозрительность, и пушистики хором засыпали напарников вопросами: кто они такие, откуда прибыли и почему не хотят немедленно включиться в их общую игру.

Бэт спокойно представилась, мимоходом сдувая со лба упрямую розовую прядь, коротко рассказала, как они отыскиали эту секретную поляну, и мягко, но твёрдо попросила отпустить Джо. Она добавила, что близкие мальчика места себе не находят от неизвестности.

Триид, который стоял ближе всех к Бэт и всё ещё сжимал в лапке леденец, на мгновение замер, будто впервые услышал само понятие «семья». Его огромные глаза чуть погрузтели, словно в них на миг отразилась сложная, непонятная ему чужая боль. Он медленно повернул голову к Джо, который ещё носился по краю прогалины, и тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Он не хотел, чтобы они грустили.

Бэт невольно подалась вперёд, почти опускаясь на колени в своём пышном платье, стараясь не спугнуть этот внезапный, хрупкий проблеск понимания в разуме пришедшего.

— Но мама с папой его ждут. И сильно грустят.

Пушистик перевёл взгляд с Бэт на Дэвида, потом снова на леденец, будто взвешивал в уме все «за» и «против». И наконец, едва слышно, по-птичьи вздохнул:

— Ладно. Но пусть он сначала расскажет нам одну историю. Про дом. Про то, что там самое хорошее. Тогда мы поймём, что он правда хочет туда вернуться.

Джо, услышав это, тут же подскочил к ним, глаза у него горели восторгом:

— Я знаю! Я расскажу про мамин пирог с яблоками! Он такой тёплый, и от него пахнет корицей, и папа всегда говорит, что это лучший пирог на свете!

Он уселся прямо на мягкую траву, подтянул колени к груди и начал увлечённо говорить. Пушистики придвинулись ближе, ловя каждое слово, будто это была не просто детская история, а древнее заклинание, способное удержать кусочек домашнего уюта прямо здесь, посреди глухого леса.

Бэт посмотрела на Дэвида. В его взгляде читалось то же самое понимание: они не станут торопить события. Пусть ребёнок договорит, и пусть эти странные существа поймут, что дом — это про любовь и тепло.

Но закончив свое повествование, мальчик упрямо надулся. Он всё ещё протестовал против возвращения к будничной жизни:

— С триидами весело! — заявил он, скрестив руки на груди. — А дома опять заставят в школу ходить, там скучно...

Но потом Джо задумчиво притих. Он вытащил из кармана и покрутил в руках пластмассовую машинку, а затем тихо спросил:

— А они правда сильно грустят? Мои папа и мама?

Дэвид серьёзно кивнул мальчику, опускаясь перед ним на одно колено:

— Они с ума сходят от горя, малыш. Твоя мама выплакала все слёзы.

Джо помолчал, шмыгнул носом и, немного подумав, решительно тряхнул головой:

— Я не хочу, чтобы мама плакала из-за меня. Я вернусь домой.

Лесные жители посмотрели на Джо с удивлением, словно отказывались верить, что их маленький друг действительно уходит. Чёрные антрацитовые глаза малышей сделались ещё шире, а ушки уныло опустились, тщетно пытаясь уловить отголоски праздника, который только что оборвался. Один из пушистиков тихонько всхлипнул и протянул мальчику зажатую в лапке карамельку — будто надеялся этим скромным подарком задержать его на поляне хотя бы ненадолго.

Но Джо, хоть и грустно улыбался, твёрдо покачал головой, пряча руки за спину:

— Спасибо, друзья, но мне пора.

Трииды переглянулись, безмолвно совещаясь на своём свистящем языке, а затем медленно кивнули. Они не стали удерживать ребёнка силой — в их природе не было жестокости,

только бесконечная, наивная жажда забав и желание делиться ими со всей вселенной. И всё же в их движениях проступила тихая грусть: без Джо эта синеватая поляна мгновенно показалась им блёклой.

Перед тем как уйти, Бэт спросила у забавных созданий, как они попали в человеческий мир. Те принялись объяснять, шумно перебивая друг друга и активно взмахивая лапками, будто пытались удержать в воздухе ускользающие воспоминания.

Один из триидов, самый смелый, подошёл к Дэвиду и, глядя на него так, будто его огромные черные зрачки видели гораздо больше остальных, произнёс:

— Один был очень похож на тебя. Высокий, спокойный... будто знает, куда идёт. А второй — чуть пониже, мы не смогли его рассмотреть: он укутывался так, что лица вообще не было видно. Этому, который скрывался, что-то было очень нужно в нашем доме. А первый, пока его спутник отвернулся, провёл нас сквозь какой-то свет, и мы попали сюда.

Бэт после этих слов замерла, чувствуя, как внутри всё заledenело от внезапной, пугающей догадки. Она перевела тяжёлый, пристальный взгляд на напарника, но Дэвид остался непроницаем.

Малыш на мгновение запнулся, будто подбирал правильное слово, и тихо добавил:

— Нам здесь не очень нравится. Тут невесело и мало друзей. Но мы уже как-то обжились.

Затем один из пушистиков застенчиво заглянул Дэвиду в лицо. Парень присел, чтобы крошечному существу было удобнее, и тот тихонько спросил, принесёт ли он ещё сладостей. Дэвид тепло улыбнулся и пообещал иногда навещать их, приносить леденцы и придумывать что-нибудь для веселья.

После этого все попрощались. Джо крепко взял Бэт за руку — доверчиво, по-детски, словно этот жест помогал ему окончательно поверить, что он возвращается в нормальную реальность. Его ладонка была тёплой и чуть липкой от карамели. От этого простого доверия у Бэт на мгновение перехватило дыхание, и она осторожно сжала его пальцы в ответ, уводя ребенка прочь от секретной прогалины.

Вся компания шла обратно к дому. По дороге напарники строго договорились с беглецом хранить случившееся в секрете и ни словом не обмолвиться родителям о существовании триидов.

— Обещаю, — шёпотом отозвался он, переводя взгляд с Бэт на Дэвида. — Никому не проговорюсь. Скажу, что просто заплутал среди деревьев.

Бэт присела перед ним и мягко улыбнулась, поправляя воротник его курточки:

— Ты молодец, Джо. Видишь ли, взрослые часто пугаются того, чего не в силах понять. А трииды... они хорошие, просто для большинства людей выглядят слишком необычно. Пусть это приключение останется нашей маленькой тайной.

Ребёнок снова согласно кивнул, а затем вдруг рванул вперёд и крепко обнял её за шею — искренне, без капли стеснения. Бэт прижала его к себе, зажмурившись и вдыхая смешанный аромат сырой хвои, сладкой карамели и чистого детского счастья. В это мгновение вся изнуряющая усталость, все колючки и царапины будто перестали существовать.

Когда они вышли из леса, дневной свет ударил по глазам чуть резче, чем обычно. Будто мир за пределами чащи стал на полтона ярче и громче. Джо на секунду замер, привыкая к уличным бликам, а потом тихо выдохнул:

— Всё-таки дома пахнет по-другому.

Бэт чуть наклонилась к нему:

— Да. И знаешь, в этом тоже есть своё очарование.

Джо подтвердил её слова лёгким кивком, и они пошли дальше — уже не сквозь лесную тишину, а навстречу обычной, шумной, настоящей жизни.

Добравшись до крыльца, агенты передали беглеца родителям, которые буквально обзумели от счастья. Они со слезами на глазах горячо благодарили Бэт и Дэвида за возвраще-

ние сына. Отец то и дело хлопал Дэвида по плечу, будто всё ещё не верил, что кошмар закончился хорошо. Хозяйка дома прижимала к себе Джо так неистово, словно боялась, что он снова исчезнет, стоит ей лишь на миг ослабить хватку.

Осматривая вернувшегося ребёнка и заметив, насколько сильно растрепалась сама Бэт — в её каштановом парике запутались сухие листья и мелкие ветки, а подол потемнел от влажной земли, — женщина удивлённо поинтересовалась:

— Что с вами произошло, дорогая? Вы выглядите так, будто проползли на коленях через всю чащу.

Бэт невозмутимо поправила съехавшую на ухо искусственную прядь и чуть пожала плечами, пряча улыбку:

— Пустяки. Просто споткнулась в полумраке о корягу и знатно растянулась в овраге. Ничего страшного.

Дэвид едва заметно дёрнул уголком губ, но удержался от ироничных комментариев.

Попрощавшись с семьей Джо, напарники сели в машину и направились обратно в офис. Стоило им покинуть анклав и выехать на ровное шоссе мегаполиса, как старый седан пошел плавно, убаюкивающе покачиваясь, а педали и пружины лишь лениво поскрипывали в такт поворотам. Бэт наконец сдёрнула с головы душный капроновый кокон, облегчённо вздохнула, будто сбросила с плеч лишний груз, и устало откинулась на кожаный диван. Она пальцами взъерошила свои настоящие розовые волосы, чувствуя, как к коже возвращается свобода, и прикрыла веки на пару мгновений — просто чтобы зафиксировать это простое ощущение покоя.

— Знаешь, — тихо произнесла она, поворачиваясь к Дэвиду и внимательно изучая его профиль, — я всё хотела спросить... Откуда ты вообще знал, что триидам понравятся сладости? Это ведь точно не какая-нибудь стандартная тактика из академических учебников Бюро.

Дэвид на секунду замер, крепче сжав пальцами обод руля. Его ладони мгновенно обдали пластик своим привычным, лихорадочным теплом. Было заметно, как он судорожно пытается подобрать подходящую официальную легенду. Затем напарник шумно выдохнул и неловко усмехнулся:

— Ну... они ведь во всём ведут себя как маленькие дети. А дети обожают конфеты. Вот я и подумал: вдруг сработает простая человеческая логика.

Бэт прищурилась, будто проверяя, насколько это объяснение выдерживает проверку на прочность. Она упрямо не отводила глаз от его лица, фиксируя малейшее изменение мимики.

— Логично, — протянула она, улавливая его растущее замешательство. — А ещё я никак не могу перестать думать о тех двоих, что приходили в измерение триидов. Зачем один из них перевёл целую группу этих существ в нашу реальность? Какую цель он преследовал? И, что пугает не меньше, что искал второй неизвестный в чужом, совершенно не предназначенном для него мире?

— Это действительно загадка, — тихо ответил Дэвид.

В его голосе прозвучала не пустота, а осторожное признание: он тоже об этом думал. И, возможно, знал чуть больше, чем готов был сейчас сказать.

Только к вечеру они наконец вернулись в управление. Жёсткий свет люминесцентных ламп после густых лесных сумерек казался особенно ярким, почти навязчивым — он будто царапал воспалённые глаза. Зато знакомый гул голосов, треск принтеров и ритмичный стук клавиатур теперь звучали для Бэт как лучшая, самая надёжная музыка на свете — музыка её привычной рабочей реальности.

Кевин уже поджидал коллег у входа в кабинет. На его лице читалось ехидное выражение: медик явно собирался отпустить колкость насчёт помятого вида коллеги. Пышное платье Бэт слегка перекошилось, розовые волосы растрепались, а на потемневшем подоле виднелись пятна от травы. Парень уже набрал в грудь воздуха, предвкушая триумф, но Анабэт бросила на него

такой красноречивый взгляд — усталый, острый и категорически не терпящий иронии, — что он тут же передумал.

Ухмылка мгновенно сползла с лица Кевина. Он неловко пошевелил губами, будто пытался на лету поймать улетевшую шпильку, а затем лишь пробормотал что-то невнятное про срочные отчёты и поспешно зашуршал распечатками.

В этот момент вошёл Эдвард. Не теряя ни секунды, шеф принялся искренне благодарить напарников за то, что они так быстро отыскивали мальчика и вернули его семье. В его голосе звучала неподдельная признательность: неофициальное расследование, казавшееся поначалу безнадежным, закрылось успехом.

Затем начальник задержал свой взгляд на Бэт и с лёгкой улыбкой заметил:

— Знаешь, а тебе идёт этот наряд в стиле пятидесятых. В нём ты выглядишь... неожиданно элегантно. Прямо как героиня старого нуарного фильма.

Бэт картинно закатила глаза, словно услышала глупость века, и недовольно буркнула, яростно потрясая зажатым в кулаке каштановым париком:

— Если ещё хоть кто-нибудь скажет мне сегодня про элегантность — я этот парик ему на уши натяну.

Дэвид едва сдержал смех и резко отвернулся, сделав вид, будто чрезвычайно увлечён изучением шнурков на своих ботинках. Эдвард, впрочем, ничуть не обиделся, лишь примирительно поднял ладони:

— Ладно-ладно, молчу. Просто образ действительно... запоминающийся.

Бэт подхватила сумку со стола, бросила короткое «До завтра» и направилась к выходу. Ей хотелось только одного: поскорее добраться до своего дома, смыть этот проклятый «ретро-лоск» и снова стать собой — в привычных джинсах и свободной футболке. После душного капрона кожа головы чесалась так, будто в ней без спроса поселилась колония лесных муравьёв.

Уже у самого порога она резко обернулась и строго пригрозила пальцем Кевину, который всё ещё косился на неё из-за монитора:

— И даже не думай. Ни слова. Иначе я расскажу всему нашему подразделению, как ты в прошлом месяце перепутал корзины и...

Она многозначительно прикусила губу, не став заканчивать фразу. Этого хватило с избытком. Кевин тут же усердно защёлкал мышкой, демонстрируя максимальную вовлечённость в работу. Дэвид негромко хмыкнул, а Эдвард тяжело вздохнул, пряча улыбку в ладонях: с такой командой скука им точно не грозила.

Бэт быстро отправилась на парковку управления и прыгнула в собственный внедорожник. Нажав на газ, она поехала домой — смывать ретро-грим и возвращать себе себя.

А в лесу Грин-Валли, на той самой прогалине, где агенты днём нашли Джо, ближе к полуночи среди вековых деревьев внезапно соткалась загадочная высокая фигура, полностью скрытая под тяжёлыми складками чёрного плаща. Незнакомец безмолвно вышел на середину опушки и резко взмахнул рукой — прямо в воздухе с сухим тихим хрустом распахнулся Разлом.

За сияющей трещиной открылось родное измерение триидов — невероятно живое, тёплое и прекрасное. Сквозь пространственный проход хлынуло сияние нежно-бирюзового неба, а в воздухе закружились пушистые облака из светящейся разноцветной пыли. Там, среди гигантских неоновых грибов и покачивающихся шёлковых трав, не существовало страха, серости и холода. Всё вокруг дышало первозданным уютом и искрящейся радостью.

Заметив родной дом, малыши восторженно запищали. Они гурьбой бросились к Разлому и один за другим прыгнули вглубь сияния, возвращаясь на весёлые, залитые светом луга. Загадочный проводник дождался, пока уйдёт последнее существо, а затем взмахнул кистью — и трещина в реальности бесследно затянулась, оставив после себя лишь тихий шелест ночной листвы.

Разлом в Асуане

Прошёл целый месяц — скучный, ровный, без прорывов и судьбоносных находок. Не было ни таинственных посылок с непонятными символами, ни странных звонков с обрывками фраз на незнакомом языке, ни даже подозрительных теней в переулках, манящих свернуть с натоптанного маршрута. Дни тянулись размеренно, мегаполис словно увяз в невидимой сонной пыли. Даже вечно мигающий неон на фасаде соседнего здания наконец совсем погас, смирившись с серой рутинной.

Но сегодня тишина рассыпалась. Едва Бэт переступила порог отдела, её мгновенно накрыла знакомая волна лихорадочного движения. В помещении царило оживление резко взболтанного улья. Сотрудники метались из угла в угол, но в этой суматохе угадывался строгий, почти военный порядок. Тот самый, что рождается в минуты, когда ставки становятся слишком высоки, чтобы позволить себе мимолетную слабость.

В штабе развернулось контролируемое безумие. Оперативники с таким остервенением молотили по клавишам, будто пытались запугать технику и силой выбить из мониторов скрытую правду. Джозеф стремительно лавировал между столами, прижимая к груди инфо-планшет как щит от глупых вопросов подчиненных. Поодаль кто-то испуганно шептал в телефонную трубку, озираясь так, будто выдавал как минимум государственную тайну, а как максимум — рецепт маффинов Кевина.

А в угловом кабинете нашей немногочисленной группы царила совершенно иная атмосфера, Дэвид сидел на диване в зоне отдыха, медленно попивая кофе и пытаясь поймать в чашке хотя бы каплю утренней безмятежности. Чуть позже в комнату вошла Бэт с сэндвичем в руках. Она подошла к кофемашине, вдохнула манящий аромат и печально простонала, поняв, что кофе закончился, а Дэвид допивает последний. Тогда парень предложил ей разделить его чашку на двоих. Бэт с радостью согласилась, устроилась рядом на диване и в ответ предложила поделить её сэндвич. Они мило болтали, передавая чашку друг другу.

В углу кабинета за ними наблюдали коллеги.

— Знаешь, — негромко произнёс Джозеф. — Мы работаем вместе с Бэт уже пять лет. Но я впервые вижу её настолько спокойной. И счастливой.

Кевин понимающе хмыкнул, переводя взгляд с Бэт на Дэвида:

— Да уж. Чтобы она пила с кем-то из одной чашки? Это вообще на неё не похоже. Парень явно нашёл к ней подход.

В воздухе зоны отдыха ещё разливалось это редкое, мимолётное тепло, но общее предчувствие тревоги, неотступно следовавшее за каждым их расследованием, уже начинало проступать сквозь уютную тишину. Подземный комплекс жил своей обыденной суетой, и никто в этих бетонных коридорах ещё не подозревал, что тонкая грань между нормальным и невозможным вот-вот треснет.

И вдруг по всему бункеру ударил резкий, вибрирующий сигнал датчиков, который отозвался тяжестью в груди и заставил сердце биться сильнее. Этот звуковой сигнал намертво вьелся в память каждого сотрудника, но в штабе его не слышали уже несколько лет.

Все поняли без слов: открылся новый Разлом. Чужеродное вторжение.

Атмосфера в помещении стремительно накалилась. Пальцы Бэт застыли, так и не донеся сэндвич до рта. Сбрасывая секундное оцепенение, она резко встала и схватила куртку. Дэвид поставил их чашку на стол — стекло жалобно звякнуло от нарастающего гула оживших приборов. Кевин оборвал фразу на полуслове; привычная ухмылка мгновенно растаяла на его лице. Иллюзия прочности рассыпалась, обнажив ожидание беды — той самой, которую они столько лет учились распознавать ещё до первого удара.

Джозеф не отрывался от мерцающего монитора, анализируя поступающие данные. В его глазах появилась холодная собранность, возникавшая лишь перед самыми серьёзными вызо-

вами. Наконец аналитик резко поднялся, подошёл к огромной интерактивной карте на стене и уверенным движением вывел световую метку на южный берег Нила.

— Асуан, — тихо, но отчетливо сказал Джозеф. И тут же добавил жёстче и громче: — Собирайте снаряжение, мы вылетаем.

В отделе уже царила не суматоха, а отточенная спешка — та, что рождается из тысяч часов изнурительных тренировок. У каждого оперативника под рукой стояла наготове укомплектованная сумка: стандартный минимум для первых суток работы — от тактической экипировки до приборов, способных зафиксировать то, что скрыто от обычного человеческого восприятия. Никаких сантиментов — только то, что поможет выжить на чужой территории.

Команда молча подхватила тяжёлые вещи и двинулась на парковку к машинам, чтобы ехать в аэропорт. Коридоры бункера мелькали перед ними, сливаясь в один длинный серый тоннель. На финальном контрольно-пропускном пункте дежурный лишь понимающе кивнул, он знал, что любые расспросы сейчас излишни.

Когда они прибыли в аэропорт на взлётной полосе их уже ждал правительственный спецборт — строгий, лаконичный, созданный исключительно для скорости. Посадочный мостик был готов, а турбины тихо свистели, способные в любое мгновение сорваться в оглушительный рёв. Один за другим агенты поднялись на борт. Тяжёлая герметичная люк-дверь закрылась с глухим, окончательным щелчком, отрезая их от привычного мира. Самолёт плавно вырулил на рулётную дорожку — и резко рванул вперёд, с грохотом разрывая тишину утреннего неба.

За иллюминаторами стремительно таял знакомый пейзаж, сменяясь бескрайней небесной синевой. Впереди команду ждал Асуан — древний торговый город на берегах Нила, где среди опалённых солнцем камней и обжигающих пустынных ветров притаилась новая угроза.

Спустя двенадцать часов полёта, после короткой дозаправки в Каире, шасси коснулись раскалённой посадочной полосы. Команда выбралась наружу, мгновенно вдыхая горячий, сухой воздух, насквозь пропитанный пылью веков. Тяжёлая усталость давила на плечи, но никто не позволил себе даже краткой паузы. Не тогда, когда впереди ждало нечто, способное в одно мгновение сокрушить привычные границы реальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.